

Ила Опалова

**Русский
харрасмент**

Ила Опалова

Русский харрасмент

«Автор»

2018

Опалова И.

Русский харрасмент / И. Опалова — «Автор», 2018

В городе совершено несколько нападений на женщин, две из них: скромная работница лица и танцовщица стриптиза из ночного клуба – жестоко убиты. Преступник не оставляет следов, но изувеченные головы жертв оказываются замотанными в голубые платки. С самого начала расследованием занимаются следователь Тарас Каратаев, в прошлом филолог и поэт, и Александр Антонов, за семь лет до серии убийств начинавший карьеру участковым инспектором. Оба следователя понимают, что действует кровавый маньяк, которого необходимо остановить, как можно быстрее. Но у них разные взгляды на расследование, к тому же у Каратаева рушится семейная жизнь, а от Антонова уходит невеста. Кто быстрее найдет и обезвредит убийцу? И кто он, чудовищный преступник? Первое издание романа носило название "Обгоняющий смерть", издательство YAM Publishing

© Опалова И., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Титульный лист	5
Часть первая. Двухтысячный год	6
Глава 1. Любовники	6
Глава 2. Смерть в гараже	9
Глава 3. Разговор о похоронах	14
Часть вторая. Две тысячи седьмой год	17
Глава 1. Выпускной в начальной школе	17
Глава 2. Две подруги	20
Глава 3. Летние каникулы в лицее	23
Глава 4. Клуб «Ночные пижоны»	27
Глава 5. Рабочие на крыше	31
Глава 6. Виды спонсорской помощи	35
Глава 7. Отец и дочь	37
Глава 8. Заплатить можно сексом	39
Глава 9. Секретарь Татьяна	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ила Опалова

Русский харрасмент

Титульный лист

Ила Опалова
Второе издание
Первое издание - Обгоняющий смерть
Много загадок и чуточку любви

Все совпадения случайны

Часть первая. Двухтысячный год

Глава 1. Любовники

Неожиданно поднялся ветер, небо замутнело, и тяжелый ливень шумно обрушился на каменистый берег, на водохранилище, которое тут же вскипело пеной и водяной пылью, как паром.

Валентин, тридцатилетний мужчина с рельефным загоревшим телом, на котором были надеты лишь короткие, атласно отливающие плавки, воскликнул, прикрывая глаза от бешено плюющей холодной водой бури:

– Черт! Это же настоящий ураган! Нинок, хватай шмотки и дуй в машину!

А ветер уже тащил по каменной мозаике дикого берега вмиг намокшие, сброшенные час назад, отяжелевшие джинсы, полосатую футболку, яркое платье. Нина, в крошечных белых трусиках, облепивших круглые ягодички, и лифчике, через ткань которого стали отчетливо видны острые бугорки сосков, морщась от попадавших в босоножки камешков, побежала, согнувшись под ветром, за улетающими прочь вещами.

Валентин поспешно закинул фотоаппаратуру на заднее сиденье автомобиля и раздраженно крикнул, пытаясь перекрыть поднявшийся гул:

– Эй-ей-ей! Ты быстрее можешь? Нас сейчас смоем вместе с машиной!

Девушка, споткнувшись, упала, и он, махнув рукой, побежал ей на помощь собирать вещи.

Угрожающе потемневшая и вспухшая, как на дрожжах, исходящая пеной вода яростно кидалась на берег. Еще минута, и волны унесли бы одежду, но мужчина успел выхватить ее из жадной водной пасти и побежал, порой подпрыгивая на острых камнях, к Нине.

Она сидела, сжавшись, как мокрая кошка, и разглядывала сбитую коленку, в глазах стояли не то слезы, не то дождевые капли.

Валентин, держа правой рукой вымокшие вещи, левой схватил за ладонь молодую женщину и потянул ее за собой к машине. Они сели, как упали, на сиденья, с тел и одежды пролилась в салон автомобиля вода. Легковушка заурчала и помчалась под льющимися водяными потоками. Автомобильные дворники, мелькая серыми крыльями, не успевали сметать воду со стекол.

– И разверзлись хляби небесные... За что был послан потоп? За грехи? Смешно! – Валентин оглянулся на брошенную на заднее сиденье сырую одежду и пробормотал: – Черт! А вот это совсем не смешно. Где ж сушить все это барахло? И нельзя, чтобы машина оставалась влажной. Ладно, главное – добраться до гаража и спрятаться от бури. Фотосессия, конечно, ек, но что-то все-таки получилось.

Когда они домчались до города, вода уже струилась внутри легковушки.

– Протекать стала, пора выставлять старушку на продажу, – сделал вывод Валентин.

Затормозив перед гаражом, он выскочил из машины и, скользя по ставшей слякотной земле, распахнул тяжелые ворота. Включив в гараже свет, загнал автомобиль внутрь и открыл дверь со стороны Нины.

– Выходи, красотка, будем греться. У меня тут есть коньяк. Вытаскивай и отжимай шмотки. И развесь их, пусть хоть немного подсохнут. Может, и автомобиль посушить автомобильным феном, а то ведь начнет гнить?

Нина, дрожа, вылезла наружу. Мокрое белье облепило тело, от холода кожа покрылась пупырышками. Валентин окинул взглядом женскую фигуру и невольно протянул большую

ладонь к острым соскам, глаза Нины не возразили, и мужские пальцы полезли под лифчик, вминаясь в податливую женскую плоть.

– Ну что ты делаешь? – наконец ломливо проговорила Нина, мягко убирая мужские руки.

– Сейчас согреешься, – произнес мужчина севшим голосом. – А потом фотосессию продолжим.

Он заглянул за канистры с автомобильным маслом и достал пузатую бутылку с золотистой этикеткой.

– Стаканчиков нет, – пожаловался он. – Ну, ничего, из горлышка пить коньяк – даже особый шик – круто!

Его пальцы крутанули пробку, и он протянул бутылку Нине. Спиртное обожгло и теплом заструилось по сосудам. Облизав губы, девушка вернула крепкий напиток Валентину. Сделав несколько шумных, больших глотков – так хлебают воду в жажду – он вновь отдал бутылку Нине. У нее разгорелось лицо, и бетонный пол под ногами качнулся.

Мужчина завел мотор и включил печку.

– Пусть подсохнет чуток, – пробормотал он, пальца на два приоткрывая гаражные ворота. – Так не угорим. А я пока тебя пофотографирую. Ты вон какая стала розовенькая, прямо яблочко. А то выглядела, как синюшная курица. Большая такая, худущая курица, – он развел руки в стороны и, довольный своей шутке, хмыкнул.

У Нины опустились концы губ, и гневно сузились глаза. Она сделала громкий глоток и закашлялась. Сейчас назло этому индюку выпьет весь его коньяк, пусть ему будет хуже!

– Ну, не дуйся! – примирительно произнес Валентин. – Я пошутил. Как, однако, ярко ты на меня посмотрела! Будто молнией ударила, испепелить хотела. Мне пришла в голову идея, должно неплохо получиться. Контраст нежности и брутальности всегда... – он собрал пальцы правой кисти в горстку и картинно их поцеловал, – класс! Будем создавать бомбу. Садись на это колесо, расставь ноги. Коньяк не пролей, на полку поставь. И белье сними. Белые полоски отвлекают. На шею... на шею мы тебе набросим грубый, грязный трос таким галстуком, концы потянутся к паху... Отлично! А теперь выгнись. А сейчас наклонись к разбитой коленке, обхвати ее руками... а другую ногу вытяни. На меня смотри! Как дикий зверь, с испугом и угрозой, – он схватил лежащую на полу какую-то железку и неожиданно гаркнул, замахнувшись: – Вот я сейчас тебя здесь убью и закопаю! – несколько раз нажал на кнопку камеры и забормотал: – От инфаркта не помри... я тебя ради красоты кадра пугаю. Кадр – вот главное! А в нем – эмоции. Без эмоций все – пустышка... – он подскочил к девушке, чтобы поставить в нужном ракурсе руки. – Подожди, мотор заглушу, а то отдадим богу души. – Валентин оглянулся на урчащую машину. – Или черту. Будет, как в анекдоте, типа «приходит жена в гараж»... – он усмехнулся. – Я ведь женат, милая. А твой мужик в курсе, что ты фотомоделью для снимков «ню» подрабатываешь? – спросил он.

– Нет, – лениво произнесла пышущая жаром от выпитого спиртного Нина, она отошла от короткого испуга. – Про «ню» он не знает. Он бы ни за что не согласился.

– Да? А если узнает, убьет? – брови Валентина взлетели под упавшие на лоб напоминающие пружины темные кудри.

– Ой, не надо! – девушка шутливо закрыла лицо выставленными наружу ладонями с растопыренными пальцами. – Он меня выгонит! – в голосе помимо шутливого веселья проскользнул настоящий испуг. – Но он не узнает: его не интересуют выставки и фотографии.

– Ну да, его волнует только ментовская работа, – иронично произнес фотограф. – Смешно: принесенную тобой из магазина колбасу лопают, а на какие деньги это куплено, не интересуется, – Валентин театрально поднял бутылку так, как поднимают бокал. – Выпьем за женские гениталии! Они дают заработать на икру к хлебу и маслу, – Его рука, потрепав гладкий живот женщины, нерешительно остановилась перед промежностью. – Не пойму, почему ты вышла замуж за этого деревенского тьюфяка?

– Он совсем не тюфяк, – обиженно отстранилась Нина от мужчины. – Он умный. А как твоя жена терпит твою работу? Эти бесконечные снимки чужих – как ты сказал? – гениталий?

– Ну, этого не так много на моих работах, – замялся Валентин. – Главное на них – женская красота...

– Вот-вот, а как жена?

– Моя Санна и умная, и красивая. Как умная жена, она понимает, что мужу надо верить. Доверяют же жены мужьям-гинекологам!

– Значит, все-таки глупая... А если бы она узнала?... – не отстала Нина.

– Если бы да кабы... – раздраженно проворчал мужчина. – Она меня любит!

– А если бы все-таки узнала, что ты изменяешь, что бы сделала? Устроила скандал, развелась, убила бы?

– Это что, тест? В таком случае, ответ – другое, – насмешливо скривил рот Валентин. – Санка у меня горячая, разобрала бы этот гараж на кирпичики. Не сама, конечно. Не будем ссориться, киска, нам ведь с тобой еще много работать! Или эта работа тебе даром не нужна? Я ведь могу другую модель позвать...

Щеки у Нины вспыхнули, обиженно надутые губы, растянувшись, изогнулись в интригующую улыбку. Она игриво провела тонким мизинцем от шеи мужчины к его синим плавкам, отчего на коже осталась от острого ногтя длинная белая полоска, которая тут же стала краснеть.

– Я тебя обожаю, – хрипловатым голосом тихо призналась она, – и завидую твоей жене жгучей завистью.

Он снисходительно-довольно улыбнулся, пробормотав «подожди», пошел к машине и заглушил продолжавший работать мотор.

Глава 2. Смерть в гараже

Автомобиль заглох почти у самого въезда в гаражный кооператив. Водитель, открыв дверцу, с досадой сплюнул на асфальт.

– Ведь обещал себе на эту заправку больше ни ногой! – пробурчал он. – Бодяжники чертовы!

Сидящий рядом следователь Тарас Петрович Каратаев молча вышел из машины. Ветер сразу надул, как парус, его распахнутую ветровку, открыв обтянутую клетчатым трикотажем грудь, на поношенных джинсах светлели выцветшие пятна, которые, как и серые кроссовки, доказывали, что для следователя главным достоинством одежды являлся комфорт.

Каратаев провел пятерней по ежику волос, начавших сесть на висках, и потер загоревший лоб, который пересекали тонкие ломаные морщины.

Внимательно оглядевшись прищуренными глазами, он обернулся и бросил:

– Ладно, я пошел. Тут минуты три ходу.

Водитель, прижавший к уху телефон, кивнул, слушая гудки вызова. Он посмотрел, как Каратаев легкой походкой ушел через покрывившуюся железную арку на территорию кооператива.

Два длинных ряда гаражей разделяла широкая грунтовая полоса с кое-где пробивающейся травой. Из приоткрытых ворот одного из боксов вышел мужчина и замахал рукой Каратаеву. Следователь узнал крепкую фигуру участкового инспектора Александра Антонова.

Сбоку неожиданно донеслось мяуканье, и Тарас перевел глаза на протяжный звук. Дорогу ему пересекал большой черный кот, от пыли длинная кошачья шерсть казалась неровной.

Тарас ответно махнул Антонову и присел на корточки.

– Тебя звать Бегемот? – дружелюбно обратился он к пушистому существу, которое с любопытством приостановило свое гордое шествие. – Что ж ты так не вовремя здесь появился, бродяга? Взять бы тебя домой, да некогда с тобой возиться. И угостить нечем. – Каратаев выпрямился и похлопал себя по карманам. – Извини, друг, даже крошки не завалилось.

Кот мяукнул, недовольный тем, что его отвлекли, и продолжил путь.

– Черная кошка дорогу перешла? – произнес Антонов, протягивая руку подошедшему следователю, в голосе инспектора прозвучала снисходительная насмешка над переговорами Тараса с уличным животным. – Надо было шугануть эту заразу камешком, глядишь, убежала бы назад.

Взгляд Антонова зацепился за маленькое колечко, золотящееся в мочке уха следователя. Вспомнилась строчка из репортажа какой-то журналистки о Каратаевском украшении: «Этот штрих выдает таящуюся в скромном следователе художественную натуру, восстающую против дресс-кода и сухого порядка».

Антонов подумал: «У богатых свои причуды. Везунчик, этот Каратаев!»

Среди коллег ходили разговоры, что Тарас в юности писал обещающие в будущем успех стихи, но женитьба на генеральской дочери предопределила работу поэта Каратаева в милиции, вопреки филологическому образованию. Правда, карьере он не сделал, много лет работая рядовым следователем, но тень влиятельного тестя помогала ему оставаться на своем месте. И Антонов завидовал Тарасу.

– Что случилось? – Каратаев без лишних слов ответил рукопожатием.

Окинув цепким взглядом светлых глаз большой двор гаражного кооператива, он сосредоточился на Антонове, который выглядел колоритно, несмотря на серый цвет формы: рубашка с большими накладными карманами на груди, засученные до локтей рукава открывали крепкие

загоревшие руки с широкой золотой цепочкой на левом запястье, черный ремень, подчеркивал крепость и стройность фигуры инспектора.

Каратаев успел хорошо узнать Антонова, слышал об его мечте стать следователем и не сомневался, что он вывалит сразу несколько версий случившегося.

– Сладкая парочка. На первый взгляд, случай не криминальный: похоже на отравление выхлопными газами. Есть несколько «но». Сам увидишь. – Взгляд Антонова стал многозначительным.

– Кто обнаружил трупы? – спросил Каратаев.

– Жена хозяина гаража. Как в анекдоте: жена потеряла мужа, пришла в гараж...

– Что-то я не знаю таких анекдотов, – оборвал инспектора Каратаев, до выяснения обстоятельств дела он не выносил остроты слов. – Кстати, где она сама?

– В больнице, у нее нервный срыв, – через многозначительную паузу инспектор добавил: – Если не симулирует. Зовут ее необычно – Сусанна, а коротко – Санна – так она представилась. Для нее в этом событии сразу два удара: гибель мужа и его измена. Я и не знаю, что хуже. Смерть в квадрате, можно сказать, – поймав вопросительный взгляд следователя, пояснил: – Для некоторых измена хуже смерти. Дамочку откачивают, если это не театр одной актрисы...

Вопреки ожиданию инспектора, Каратаев не отреагировал усмешкой на шутку.

Сверху каркнула ворона и опустилась на крышу гаража, наклонив набок голову, словно внимательный слушатель. Под взглядом Тараса Петровича она побежала вперевалку прочь и пропала.

– Чем занимался муж? – следователь перевел внимательные глаза на инспектора.

– По словам жены, он известный фотограф Валентин Гриценко. Делал снимки для гламурных журналов. Недавно в холле дворца культуры монтажников прошла его выставка.

Каратаев подошел к приоткрытому гаражу. В глаза бросились засохшие перед входом следы от протектора, а также четко выделялись отпечатки спортивной обуви.

– Хреновым хозяином был фотограф, – прокомментировал взгляд следователя Антонов. – Мог бы отсыпать площадку перед гаражом гравием. Я уж не говорю о бетонировании. Видишь, ноги его разъезжались в глине. Ясно, что машина встала в гараж во время дождя или сразу после.

Каратаев замер в дверном проеме: у выхода из гаража, уткнувшись кудрявой головой в бетонный пол, лежал мужчина. Его мускулистый зад был обтянут синими плавками, настолько короткими, что было видно начало впадинки между ягодицами.

– Хозяин гаража, – пояснил из-за спины следователя инспектор. – Красавчик какой! Видно, что на тренажерку ни денег, ни времени не жалел. И волосы шикарные, как после завивки на бигуди.

Тарас Петрович переступил порог, изучая обстановку. Перед ним был добротный гараж со стеллажами, уставленными канистрами, ящиками, запчастями. В воздухе плавал запах резины, железа и бензина, к этому букету примешивался едва уловимый аромат алкоголя. Под потолком светили яркие лампы: на освещении хозяин не экономил.

Каратаев подумал, что фотограф, возможно, использовал гараж в профессиональных целях – для фотосъемок.

– Когда жена фотографа пришла, мотор был заглушен, и это одно «но», – докладывал Антонов. – Я посмотрел, бензин в баке есть. А это значит, что мотор не мог сам заглохнуть из-за того, что все топливо спалилось.

– Что тебе еще не нравится? – с виду рассеянно спросил Каратаев.

– Жена фотографа говорит, что дверь в гараж была приоткрыта. Тоже нетипично для таких исходов. Ядовитый воздух должен был выходить наружу. Откуда тогда отравление?

Каратаев вздохнул:

– Посмотрим, что скажет эксперт о причинах смерти.

Он смотрел на машину. Ее дверцы были распахнуты, стекла затуманены.

– Они, похоже, из-за города приехали, колеса грязные, вероятно, буксовали, – сказал инспектор. – Сырость из гаража еще не выветрилась.

На бетонной стене, справа, на крючках висела мятая влажная одежда.

Каратаев заглянул внутрь автомобиля: на сиденьях темнели мокрые пятна, коврики в салоне влажно блестели. Перед задними сиденьями зеркалом отсвечивала лужица.

Следователь увел глаза и замер: в глубине помещения, около стоящего стоймя тяжелого колеса, лежала женщина. Она была раздета, через нежную шею к промежности грубо тянулся грязный трос, повернутое к плечу лицо прикрывала прядь длинных волос.

– Это второй труп, – с каким-то противоестественным удовольствием констатировал Антонов, внимательно следящий за направлением взгляда Каратаева.

Молодой человек уже все здесь видел, и его интересовала чужая реакция на царящий в гараже кошмар.

– Вон на полке лежит женское белье, – ткнул он пальцем, – все еще мокрое, и коньяк стоит рядом, армянский. Бутылку даже не закрыли, так и воняет коньяком! А еще баночка икры стоит на полке. Хорошо отдыхали! – в голосе скользнула зависть.

– Ну, завидовать тут нечему, – уловил интонацию Тарас.

Перед гаражом затормозила серо-голубая машина, и он поторопился наружу. Из машины выскочила невысокая женщина, похожая на крепкого и ловкого мальчишку, в руках она держала чемоданчик. Женщина дружески кивнула мужчинам.

– Эксперт Румянцева, – представилась она. – Опять «гаражная болезнь»? – и на всякий случай, пояснила: – Так мы называем отравление угарным газом в гаражах. Вот вроде все знают о вреде выхлопных газов. Однако эти смерти не прекращаются, – она расстроено покачала головой. – «Скорая» была?

– Да. Я следователь Каратаев. Здравствуйте, мы с вами прежде не работали. Вот инспектору жена погибшего сказала, что дверь была приоткрыта. Разве в этом случае отравление могло произойти?

Румянцева отставила в сторону чемоданчик и ловко натянула резиновые перчатки.

– Легко, – сказала она, оглядывая мужской труп. – Если ветер дул в сторону приоткрытой двери, он мог препятствовать выходу ядовитых газов. А вообще, одного процента концентрации в воздухе окиси углерода достаточно для смертельной дозы. Одного! Что такое окись углерода? Это угарный газ, который входит в состав выхлопных газов. Страшен тем, что не имеет ни цвета, ни запаха, поэтому человек не способен его обнаружить. Действует яд парализующе, лишая возможности передвигаться, – Румянцева говорила четко, словно читая лекцию. – К тому же с гемоглобином крови во время дыхания угарный газ образует стойкое соединение, препятствующее переносу кислорода к клеткам головного мозга. – Женщина перевела строгий взгляд на поскуцневшего инспектора. – Вы послушайте меня, и у вас в дальнейшем не будет сомнений. Главная опасность окиси углерода заключается в том, что до гибели человек может почти не ощущать признаков отравления, особенно находясь в нетрезвом состоянии. Понимаете? Человек двигается, а уже мертв!

– Но погибший, как видите, находится возле дверей, а двери и в момент гибели, если верить жене, были скорее всего открыты. Как он мог отравиться? – возразил Антонов.

– Значит, в крови к этому моменту угарного яда накопилось достаточно, – не задумываясь, ответила Румянцева. – Достаточно, чтобы умереть. Я же об этом и говорю! Возможно, погибший не был сильно пьян и осознавал опасность, хотел выйти, но было поздно. Не волнуйтесь, на вскрытии все увидим. И количество алкоголя, в том числе.

– То есть вы считаете, что это несчастный случай и трупы не криминальные? – уточнил Каратаев.

– Какие вы торопливые! – укоризненно покачала головой Румянцева. – Я же твержу вам про вскрытие, вот тогда и сделаем вывод. Если бы не ваши возражения, я бы на сто процентов говорила о несчастном случае, – она помолчала и поправила себя: – На девяносто восемь, нет, на девяносто процентов.

– Но ведь выхлопные газы образуются при работающем моторе, так?

– Так, – подтвердила Румянцева, на ее лице было неподдельное удивление: таких упертых в своих сомнениях работников органов она еще не встречала. – И опасен не только работающий двигатель, но и включенная печка отопителя...

– А двигатель-то не работал, – радостно выпалил инспектор. – Хотя бензин в баке остался.

– Вскрытие все покажет, – недовольно ответила эксперт, помолчав, она добавила: – Вообще, отравление может наступить не только от угарного газа, но и от того, что количество кислорода в окружающем воздухе в результате горения, – она обвела выразительным взглядом гараж, – допустим, больших ламп, уменьшилось и повысилось содержание двуокиси углерода.

Румянцева вышла наружу.

– Вот ты посмотри, какая фифа! – возмущенно сказал инспектор. – Вбила себе в голову, что это несчастный случай, и всеми силами, всеми своими экспертными штучками это доказывает! Разве с такими специалистами можно раскрыть преступление? Да ни за что! Потому и раскрываемость у нас слабоватая. А вообще... – Антонов почесал затылок, – если за дело берется очень умный человек, он при любых обстоятельствах может проверить преступление, выдав его за несчастный случай. Ведь если подумать, женушка фотографа легко могла убить мужа и соперницу!

– Это как это? – заинтересованно посмотрел на Антонова Каратаев.

Тот, польщенный вниманием к нему следователя, принялся с упоением, даже как-то отдохновенно, строить версию:

– Этот Гриценко, ясно, не первый раз в гараже с чужой бабой кувыркался. Его жена догадалась, – а она совсем не дура, вот совсем не дура, – ты бы посмотрел ей в глаза, ума и ненависти в них, как тины на болоте! – так вот, она налила в коньячок для своего голубка и его подружки крысиного яду или какого еще – экспертиза покажет – и стала ждать, когда он задержится, якобы на работе. А дальше пошло по-задуманному: парочке стало плохо, жена фотографа вошла в гараж, завела машину... ну и так далее.

– Значит, оставшийся коньяк надо отправить на анализ? – уточнил, не моргнув глазом, Каратаев.

Антонов, споткнувшись в разговоре, пожал плечами:

– Наверное, надо, – и вернулся к прежней легкости: – Кстати, она могла поменять отравленную бутылку на обычную. А что? Принесла другую бутылку коньяку с отпечатками мужа из дома, а ту, в которой был отравленное спиртное, выкинула. Куда-нибудь за гараж. В мусорку.

– Ну да, забавный детектив получается, – без улыбки заметил Каратаев, – в писатели тебе надо идти, Антонов, потому что с фантазией у тебя перебор: сначала надо факты собрать... – и, поймав таинственно-довольный взгляд инспектора, наконец усмехнулся: – Ладно, что ты тут еще накопал, признавайся!

– Я в сумку женскую залез, она под трусами и лифчиком лежала... – виновато проговорил инспектор. – Но я надевал перчатки, у меня они всегда с собой, медицинские. – Он вытащил из кармана резиновые, похожие на макаронины, белые перчатки. – В общем, в этой сумке есть еще одно «но», – нерешительно сказал он.

– Какое «но»? – нетерпеливо спросил Каратаев.

– Этот голый стройный труп являлся женой следователя Туранова! Трудно поверить в несчастный случай, да? У нее паспорт в сумке, в паспорте прописка, печать о регистрации

брака и указаны двое детей. Молодец, что тут скажешь! Паспорт с собой носит, чтобы сыщики не мучились.

– Не понял, – удивленно посмотрел на участкового Тарас. – Ты подозреваешь Туранова? Тогда зачем развивал версию о виновности жены фотографа?

– Они могли это сделать вместе, – с удивительной легкостью объяснил Антонов. – Сговорились и убили. Я сейчас объясню...

– Если бы несчастный случай был инсценирован, дверь гаража была бы плотно закрыта...

– Жена Гриценко нервничала, потому ошиблась, – тут же нашел объяснение Антонов. – Преступники часто прокалываются на мелочах, и это естественно...

– Лучшеждемся экспертизы, – остановил криминальные фантазии Тарас и, вздохнув, прищурился.

– Слушай, – встрепнулся Антонов, пропустив мимо ушей замечание товарища, – вот не понимаю. Почему люди не разводятся, если кто-то появился на стороне? Зачем супруга позорить? Одно дело, когда одинокая помирает, а вот так – голышом с чужим мужиком – другая история...

– Ты был знаком с женой Туранова? – вроде бы рассеянно спросил Каратаев.

– Я? – словно споткнулся в своих разглагольствованиях Антонов, его гладкие щеки по-мальчишески запунцовели, и он невнятно проговорил: – Как-то видел пару раз...

– Кстати, по поводу супругов... – следователь будто не заметил, что инспектор смешался. – Нужно позвонить в отделение, где работает Туранов. Пусть приезжает и опознает свою половину.

Каратаев прижал к уху телефон и попросил найти следователя Туранова. После долгой паузы Тарас нажал кнопку отбоя и взглянул на Антонова.

– Туранов ранен, только что увезли в больницу.

– Попытался покончить с собой? – поторопился с выводом участковый инспектор. – Конечно, после двойного убийства...

– Пока мы находимся здесь, в театре взяли в заложницы зрительницу. Туранов принимал участие в освобождении.

– Вот ты посмотри! – покачал головой Антонов. – Оба пострадавшие от супружеской неверности, – и он смешливо двумя пальцами на обеих руках изобразил дважды крючки, показывая кавычки для слова «пострадавшие», – дружно оказались в больнице... Договорились! Подозрение отводят. Он ее научил, и пошел подвиги совершать.

И он снова изобразил пальцами кавычки.

Тарас ошеломленно, даже с недоумением, посмотрел на инспектора, но удержался от совета не делать поспешных выводов. Смешно читать наставления взрослому человеку.

Он посмотрел на пасмурное небо, с которого заморосил дождь.

– Что ж такое с погодой? Говорят, ненастье протянется неделю. Прямо ранняя осень.

Глава 3. Разговор о похоронах

В распахнутое окно задувал ветер, от прохладного воздуха, пахнувшего влажной землей и скошенной травой, комната, заставленная дорогой комфортной мебелью, казалась еще шикарнее. С ветром влетали мелкие, как слезинки, дождевые капли. Они долетали до Марты Злачевской, тридцатилетней женщины со светлыми волосами и совсем не соответствующими их цвету темными, как переспелая вишня, глазами. Ее лицо страдальчески морщилось. Она сидела на пышном ковре перед диваном, и ее руки жалеюще гладили разметавшиеся черные волосы подруги Сусанны, которая лежала на кожаных диванных подушках, и, зло насупившись, молчала.

Девушки подружились еще в школе, когда перешли в выпускной класс, затем вместе поступили в университет на факультет журналистики и сумели сохранить дружбу, несмотря на появившиеся у них семьи.

– Санна, дорогая, неужели ты не пойдешь на похороны? Что скажут люди? – обеспокоенно спрашивала Марта.

Ей до слез было жалко подругу. Марта даже боялась представить себя на ее месте, она бы с ума сошла от такого предательства, и оттого женщина начинала злиться не только на покойника, но и на весь мужской род.

– Я его родителям деньги на похороны любимого сына дала? Дала! Не поскупилась! Чтобы поглубже закопали! А люди и так говорят! – из зеленых, как болотная вода, глаз Сусанны смотрела сама ненависть. – Мне кажется, на меня каждый показывает пальцем, а за спиной смеются. И шушукаются, шушукаются. Стыдно невероятно! Ты не представляешь, (не дай Бог оказаться тебе в такой ситуации!) муж с любовницей умер в гараже, любовница без трусов, экспертиза показала, что они трахались перед тем, как сдохнуть! – женщина всхлипнула. – Чертова экспертиза, подлые эксперты! Делать им больше нечего, кроме как копать в... в экскрементах!

Лицо Марты страдальчески исказилось. А Сусанна резко села, прикрыв глаза, и закачалась из стороны в сторону, словно от физической боли.

– Хорошо, у нас детей нет. Что бы я им рассказывала о папочке? Лучше никакого отца не иметь, чем такого предателя! Я решила документы подать на изменение фамилии, чтобы с этой историей не иметь ничего общего. Чтобы никаких следов... даже в Интернете никаких.

– Ну и правильно. Замуж выйдешь, появятся дети, никто из них не узнает... о таком факте в биографии.

Сусанна всхлипнула:

– А этот придурок Антонов – он всего лишь участковый, но якобы учится на следователя – так вот он меня задержал, подозревает, что это я... расправилась с Валькой и его любовницей. Представляешь?

– Это правда, что у тебя были с обыском? – У Марты, совсем почернев, округлились глаза. – Ты по телефону говорила, или мне померещилось?

– Правда. Аптечку изъяли. Есть какие-то таблетки, вызывающие удушье в сочетании со спиртным, их и искали, – Сусанна, вздохнув, помолчала и устало продолжила: – Мало того, Антонову втемяшилось, что я с мужем этой... этой... сговорила, и мы вместе с ним... типа, он меня научил... а сам каким-то образом лег в больницу и обеспечил себе алиби. Я его ни разу в жизни не видела! Мне Антонов показал его фотографию: торчащие уши, лысая голова и худоба, как у бледной поганки... Больше ничего не запомнила из-за нервов, сейчас и не узнаю.

– Ну, да, не красавец... тощий какой-то, – согласилась Марта. – Мы для новостей делали о нем сюжет. Он участвовал в задержании преступника. Смотрел в камеру, насупившись, голова в бинтах... прямо из фильма ужасов.

У Сусанны что-то дрогнуло во взгляде, и она, смягчившись, махнула ладонью:

– Вообще, не это главное, не внешность. Что это за мужик, который позволяет своей жене изменять? Не случайно таких всегда презирали и называли рогатыми.

– Ну, ты чересчур, – возразила Марта. – Он за ней должен был следить, на цепь посадить? По твоей логике, и ты своему позволила. Но мужчины – такие существа, не могут пропустить красивую женщину. Вот и твой Валентин не смог устоять.

– Ты сама-то веришь тому, что сказала? Каждый мужик – бабник по-твоему?

– Ну, не каждый, а почти... – стараясь утешить подругу, Марта опустила до женских штампов.

– А мы не видим мужчин-красавцев, глаза закрываем, да? Мне в голову не приходило Вальке изменять! Жизнь человека состоит из самоограничений, иначе он превратится в животное. Разве не так? Нельзя переедать, пить без меры, трахаться с кем попало, иначе... – Санна вздохнула и замолчала, словно устав от слов и рассуждений.

– Это ты Фрейда вспомнила? – спросила Марта.

– А он и об этом писал?

– Вроде да, – кивнула та, и в ее голосе зазвучала грусть. – Я вот думаю... Только ты не обижайся, ладно? Я думаю, Валентин заставил ее с собой спать. Эту Нину Туранову.

– Ты что? – Сусанна посмотрела на подругу, как на человека, внезапно сошедшего с ума. – Скажи еще, что он эту дрянюшку изнасиловал!

– Я подозреваю, он ее принудил работой, то есть заработком, – попыталась объяснить Марта, путаясь. – Если бы она отказалась, он не стал бы ее фотографировать, тогда у ее семьи не было бы денег. Или было бы их недостаточно.

Сусанна, подобрав под себя ноги и сердито надувшись, подумала и кивнула:

– Ну, это вполне могло быть, от такого мерзавца все можно ждать. Сейчас я его иначе назвать не могу! Но я бы ни-ког-да на такое не пошла! Так что не заставляй меня жалеть эту беспутную дуру!

– Ты красавица, Санна! – с легкой завистью вздохнула Марта. – Ты сильная. И у тебя нет детей, для нормального воспитания которых нужны приличные деньги!

– Ну, ты, Мартик, тоже очень даже ничего, – усмехнулась Сусанна, но в ее глазах появился победный блеск.

Заметив, как распрямились плечи подруги, Марта улыбнулась:

– Значит, завтра идем на похороны вместе. Санна, я тебя поддержу. Не возражай! Ты пойдешь, чтобы никто не сказал, когда встанет вопрос о наследстве, что семьи у вас фактически не было, что ты даже проводить в последний путь своего супруга не захотела.

– Ты смешная, – грустно улыбнулась Сусанна. – Я единственная наследница первой очереди. В любом случае, мне все должно достаться. – Она оглядела просторную комнату, дорого отделанные стены, дубовый паркетный пол, итальянскую мебель. – Хорошо, я буду на кладбище, хотя мне хочется утопить его могилу в помоях... Я вообще надеялась, что не придется его хоронить: две недели пришлось ждать разрешения. Две недели! Свекровь вчера пожаловалась по телефону, что с Вальки сняли волосы, наверное, на яд проверяли, которым я его якобы отравила. – Женщина горько усмехнулась.

– Наверное, свекровь ждала от тебя сочувствия, – предположила Марта и утешающе произнесла: – А я тебе завтра свою черную шляпку с черными розами принесу, и мы снимем отличный сюжет для криминальных новостей, я сама прослежу, чтобы Лебедев снял тебя с самых лучших ракурсов... Носовой платок возьмешь сразу мокрый, прямо мокрющий, чтобы

на экранах телевизоров было видно! Если с него будет капать, тебя назовут святой, – она лукаво улыбнулась.

– Ладно, интриганша! – усмехнулась Санна.

– Ты лучше скажи, что ты будешь делать после похорон? Куда уедешь раны залечивать? – ласково спросила Марта, довольная, что в глазах подруги появился огонек.

– Пойду работать! – по слогам, внушительно, произнесла Сусанна. – Не собираюсь проедать накопленное добро. Хочу зарабатывать.

– И куда ты пойдешь?

– В глянцевый журнал, где и работала до того, как Валька заставил меня уволиться. Тьфу, даже имя его произносить противно... Придумала: я возьму себе фамилию Шанель! Санна Шанель для модного журнала – самое подходящее.

В комнате вдруг посветлело, и обе девушки одновременно посмотрели в окно. В прореху между тучами выглянуло солнце, и нудный по-осеннему дождь превратился в слепой пляшущий дождик.

– А погода налаживается, – с улыбкой заметила Марта. – И жизнь наладится!

Часть вторая. Две тысячи седьмой год

Глава 1. Выпускной в начальной школе

Прошло семь лет.

Местный телеканал "Губерния", на котором Марта Злачевская работала журналисткой и ведущей, располагался на первом этаже старой хрущевки. Несколько дизайнерски отделанных студий были связаны между собой мрачными коридорами, до которых у хозяев никак не доходили руки, а точнее: не хватало денег для их ремонта.

– Злачевская! – окликнул идущую по коридору редакции Марту длинный оператор Лебедев. – Собирайся в командировку, едем с тобой в область. Приказ начальства. Вернемся завтра.

– Какая область? – взволновалась Марта. – У моей дочери сегодня выпускной!

– Ну, ты даешь, старуха! – покрутил головой Лебедев, волосы в его стрижке «под горшок» качнулись и вновь легли ровными прядями. – Чего только не придумают люди, чтобы не ехать в командировку! Насколько я помню, твоей дочери что-то около десяти лет!

– Так у нее выпускной в начальной школе!

– Совсем люди с ума посходили! Выпускной из яслей, выпускной из детсадовской группы, выпускной из начальной школы, вообще после каждого класса можно устраивать выпускной... – оператор хрюкаяще засмеялся.

– Роди своих, а потом ухахатывайся, – сердито бросила Злачевская.

Махнув рукой, она неловко побежала на тонких каблуках в кабинет шефа.

– Не могу я ехать в командировку! – с порога заявила она, откидывая светлые волосы от лица. – У моей дочери выпускной!

– У тебя имеется еще и семнадцатилетняя дочь? – удивленно уставился на журналистку начальник, которому, глядя на Марту, всегда хотелось облизнуться.

Помимо шевелюры на голове, у директора канала была богатая растительность на подбородке, и весь его облик напоминал революционера-разночинца. Он огладил широкой ладонью бороду и сказал:

– О тайных детях у мужиков я слыхал, но чтобы у женщины!.. – он театрально развел руками и укоризненно покачал головой.

– У меня нет тайных детей, – запальчиво возразила Марта. – У меня единственная неповторимая одиннадцатилетняя дочь Юля. Она пока еще учится – сегодня последний день – в четвертой школе. И у нее выпускной!

– Четвертая школа, – задумчиво произнес руководитель. – Это та школа, где только начальные классы?

– Да, вот такое ноу-хау придумали на закате Советской власти. Все большое, тогда современное школьное здание отвели только под начальные классы. Из этой школы лучшие выпускники должны были отправиться в лицей с преподаванием ряда предметов на английском языке. Придумали отлично, но не учли, что страна изменится, и законы поменяются, и с образованием будет швах.

– И куда теперь твоя ненаглядная Юлька пойдет? – сочувственно поинтересовался директор.

– По прописке, – вздохнула Марта. – Мы относимся к тринадцатой школе.

– Ух ты! – сказал шеф. – Не завидую. Показатели у тринадцатой самые низкие. Учителя там никудышные, видно, директор плохой. Рыба, знаешь ли, с головы... Ладно, иди уже на свой выпускной бал. Привет Юлечке. И Глебу тоже.

Марта заглянула в актовый зал, украшенный воздушными шарами и лентами, и на цыпочках, стараясь стать как можно незаметнее, прошла к последнему ряду. Она глазами почти сразу нашла Юльку по голубому газовому банту, торчащему сбоку. Причесал дочку Глеб. Золотистые волосы объемным колоском, как венцом, лежали вокруг головы дочери. Марта в который раз подумала о таланте мужа к парикмахерскому искусству и почувствовала досаду, что он совсем не хотел этим заниматься. Вместо прибыльного дела Глеб прозябал в театре, получая копейки, и возился с куклами.

На сцене возвышалась высокая и однообразно широкая, без изгибов, дама в кружевном бардовом платье. На ее полной шее связкой золоченых грецких орехов висели крупные бусы, в ушах широкими кольцами блестели золотые серьги. Марта вспомнила, что выступающая дама – председатель школьного родительского комитета. Ее алые губы произносили слова: «дорогие выпускники», «новые горизонты», «светлый путь», «будущие успехи», «никогда не забудем», бодрая речь текла ровно и без запинки.

– Концерт! – торжественно провозгласила дама.

На сцене из-за занавеса появилась милая девочка с косичками и села за рояль. Из-под ее пальцев поплыла в зал «Лунная соната», на большом экране фоном появились снимки детей, фотографии с уроков.

У Марты в носу щипало, в каждой снимке она выискивала Юльку, а после просмотра самодеятельного короткого фильма, стала искать в сумочке платок, чтобы промокнуть выступившие на глазах слезы.

Наконец, публика стала шумно выходить из зала и растекаться по школе.

Парты в кабинете, где четыре года занимался класс Юлии Злачевской, оказались сдвинуты, на них аппетитной мозаикой стояли тарелочки с кусочками торта, уже был разлит чай. Половину кабинета освободили для выступающих. Началось прощание детей уже по-домашнему: в своем коллективе.

К Марте подошел Глеб и сжал ее руку. Они сели рядом за крайний стол.

Зажав в руке большую чашку с чаем, поднялась самая активная в классе мамаша.

– Четыре года пролетело, – она остановилась, подумала и выпалила: – Как один день. У наших детей впереди новый этап. Все определились, в какую школу ребята пойдут дальше?

Поднялся гвалт почти такой, какой бывает на школьных переменах. Марта с удивлением обнаружила, что большинство родителей знали, где их дети продолжают учиться, они шумно делились впечатлениями, доказывая, что выбранное ими учебное заведение – самое лучшее в городе. Злачевские оказались среди тех, кто еще не определился.

– Мы избежали нашей тринадцатой школы, куда должны быть зачислены по прописке, – довольно тараторила бойкая родительница. – Когда я зашла туда, я прямо-таки ужаснулась их порядкам... Точнее, беспорядку. Немыслимый бедлам! Детки, простите, сквернословят, за углом школы курят, девочки ходят в юбках, которые выше трусов. Это такой контраст с нашей... – она споткнулась, подбирая нужное определение, – со здешней оранжереей, в которой выращиваются таланты, не побоюсь этого слова. Ведь наши детки, как нежные цветочки...

– И что вы решили? – нетерпеливо поинтересовалась Марта.

– Мы заплатили деньги и пойдем в нормальную школу, – победно заявила дама.

– Заплатили – это дали взятку? – спросила Марта, выразительно покосившись на мужа.

– Нет, почему? – смутилась женщина. – Мы перечислили деньги в фонд школы вполне официально. Сейчас в каждой школе есть родительский фонд, и везде надо платить. Время такое пришло. И чем школа лучше, тем сумма больше.

Глава 2. Две подруги

В отделе бельевого трикотажа покупателей не было, и продавец Вера, сидящая за стойкой кассы, скучала. Она уже не раз подкрасила губы, провела круглой щеточкой по ресницам, подправила брови. Время тянулось нудно, до окончания смены оставалось целых два часа. Чтобы скрасить ожидание конца рабочего дня, девушка принялась щелкать кнопками телефона, удаляя из него ненужные сообщения.

Она так углубилась в свое занятие, что вздрогнула от вопроса молодой женщины, появившейся, как из пустоты.

– Скажите, скидки на белье у вас есть?

– Конечно, есть, – торопливо, отчего улыбка получилась фальшивой, ответила продавец, сунув телефон в карман форменного халатика. – Вот, пожалуйста, на стенде справа висят образцы, которые продаются со скидкой. Кстати, у нас разрешается бюстгалтеры мерить.

Покупательница, которая, едва войдя в отдел, интересовалась скидками, была редким исключением среди многих посетительниц, которые обычно шли вдоль стен, разглядывая кружева и шелк выставленного товара. И только увидев заветное слово «распродажа», они останавливались и уже начинали прикидывать вещи на себя.

Вера исподтишка изучала вошедшую женщину. Это было более увлекательное занятие, чем перечитывание старых сообщений. Для человека, интересующегося скидками, покупательница выглядела совсем не бедной. Продавец сразу оценила эффектную сумку незнакомки, стильные джинсы, с виду дорогие, и элегантную рубашку навыпуск в строгую черно-белую полоску. Для Веры было удивительно, что такая, с виду благополучная, женщина не стыдится спрашивать о дешевых ценах, в отличие от куда более скромно одетых покупательниц.

Разглядывание и классификация людей являлись любимым занятием Веры. Новую посетительницу она назвала про себя красавицей: пшеничного оттенка волосы, уложенные в модную гладкую прическу, скромный макияж, яркие ногти. Особо девушку выделяли глаза, они были узкими в длинных ресницах, и немного вразлет. Это впечатление усиливалось стрелками, аккуратно нарисованными косметическим карандашом. Приподнятые к вискам глаза цвета перспелой вишни делали лицо чуть инопланетным, не похожим на другие, хотя оно и казалось знакомым. Покрытые светлым блеском губы выглядели по-детски пухлыми.

Продавец одобрительно смотрела на покупательницу, пытаясь определить, кем она работает и чем вообще может заниматься.

В отдел вошла еще одна женщина и тут же бросилась к стенду с бельем, продаваемому со скидками. Но интересовали ее совсем не цены, а, как оказалось, первая посетительница.

– Марта, дорогая, – воскликнула она. – Как давно я тебя не видела! Как ты поживаешь? Юлька, поди, стала дылдой? А Глеб как? На прежнем месте работает?

«Марта! – подумала продавец. – Какое дурацкое имя! Зато оригинальное, не такое, как у других».

А та при виде знакомой засияла. Улыбка запорхала на полных блестящих губах, узкие глаза еще более сощурилась.

– Ой, Сусанна, как я рада тебя видеть! – воскликнула она. – Когда ты приехала?

«Бывает же такое! – удивилась кассир. – Встречаются две женщины, и обе с чудными именами! А эта Марта прямо-таки умрет сейчас от счастья».

– Неделю назад. Мне стыдно, что я тебе не позвонила! Накопилась куча дел в редакции. Курсы оказались очень полезными, и я сейчас фотограф высокого класса! – Сусанна произнесла это с гордостью.

– Ты и так была отличным мастером, – улыбнулась Марта.

– К сожалению, не очень. Что ты здесь смотришь? – вдруг возмутилась девушка. – Это же прошлогодняя коллекция!

– Ой, – пренебрежительно махнула рукой Марта. – Мне хоть какая коллекция, лишь бы форма подходила, под рубашкой все равно бюстгальтера не видно! У меня, знаешь ли, другие заботы – глобальные – мне надо Юльку в хорошую школу пристроить. Хочу отдать ее в первый лицей. – И она впилась глазами в лицо подруги. – Слушай, Санна, у тебя же есть связи! Помоги!

«Вот откуда такая радость на лице, – поняла Вера. – Эта Марта верит, что встретила человека, который поможет устроить ее ребенка в школу».

– Какие связи? – воскликнула Сусанна. – Главное нынче – деньги. Принесешь, сколько требуется, и ребенок будет в лицее, или в гимназии, или в академии...

– А сколько требуется? – долетел до кассира шепот красавицы.

– Выясни! Сходи к директору, поговори доверительно. По крайней мере, будешь знать, к какому горизонту стремиться. Я говорю о финансовом благополучии.

– Стремись-не стремись, – уныло проговорила Марта, – а денег в доме нет. Глеб, можно сказать, сидит без зарплаты, потому что в театре нет денег на премьеры, Вот он и делает свои куклы, но авторские игрушки – товар специфический, он для любителей, для коллекционеров, а таких мало. Это старинные монеты собирает каждый второй мужчина. а куклы один из миллиона. А я, ты знаешь, тружусь на местном телеканале за копейки.

После последних слов Вера поняла, почему лицо красавицы ей кажется знакомым. Она видела ее на телеэкране! И как она не узнала журналистку и ведущую? Потому что редко смотрит местное телевидение. Да и прическу Марта Злачевская поменяла, а прическа много значит. Ну, если красоткам с телевидения не хватает денег на приличное белье, то что говорить о других! И впрямь, откуда берутся у людей деньги? Вера тут же вспомнила свою подругу Зою, танцующую стриптиз в ночном клубе. Видно, только голышом и можно заработать на что-то стоящее!

– Но с голоду не умираете... – произнесла Сусанна.

– Ну да, на хлеб хватает и даже на масло, – вздохнула Марта, – а вот на лицей, чувствую, не хватит.

– Это точно, не хватит, – посочувствовала Сусанна. – Но ты к директору лицея все же сходи, поплачься. Ходят разговоры, что он мужчина отзывчивый.

– Куда же я денусь? – воскликнула Марта. – Конечно, пойду. У нас со школой – катастрофа. Юлька закончила начальную школу. Ну, ты знаешь, большую, отведенную только под «началку», и перейти в следующий класс мы не можем, потому что его просто нет в этой школе.

– А я тебе говорила, – сочувственно напомнила подруга, – чтобы ты не отдавала ребенка в дурацкую начальную школу. Я предупреждала, что тебе придется бегать после окончания четвертого класса в поисках нового места!

– Но там качественное образование, и все приспособлено для младшего возраста, – вздохнула Марта.

– Тогда не жалуйся, – Сусанна украдкой, по-воровски, бросила взгляд в сторону продавца и зашептала.

Вера сумела разобрать: «Директор первого лицея любит женщин: он недавно женился в четвертый раз!»

– Так ему вроде шестьдесят лет! – не поверила Марта.

– Ну и что?

– В таком возрасте о душе думают.

– Ты сначала доживи до этих лет, чтобы знать, о чем думают в таком возрасте, – громко произнесла Сусанна. – О душе думают те, на кого женщины не смотрят, и те, кто не в состоянии заработать, как, например, твой Глеб. Остальные озабочены полноценной жизнью. Пококет-

ничай с ним, поулыбайся, он растает: такая красotka ему глазки строит! Тут никто не откажет. Считай, вариант решения задачи я тебе подсказала.

– Санна, Санна, – укоризненно покачала головой Марта, – а сама говорила: "я никогда!"

– Я же не предлагаю тебе в этом деле идти до постели, – смутилась черноволосая девушка.

– Так, легкий флирт.

– Везет тебе, – с улыбкой посмотрела на нее Марта, – красавица, работа высокооплачиваемая и начальник – голубой! А мой каждый раз меня глазами раздевает!

– Но ведь не руками! – шутливо сказала Сусанна и вдруг потухла. – Мартик, это мистика какая-то: я вчера видела Валентина. Он поднимался на эскалаторе, стоя спиной ко мне. Это были его волосы: кудряшки, цвет... Объем, правда, не тот, так время прошло все-таки. Кудри у него были красивыми, ты знаешь. Мне кажется, я в него и влюбилась-то из-за волос. И вот вижу знакомые завитки! Надо было подняться на несколько ступенек вверх и заглянуть в лицо, а у меня ноги приросли...

В отдел, принеся с собой новую волну парфюмерных ароматов, вошли разом три покупательницы, и Вера больше ничего не услышала из разговора красивых подруг.

Глава 3. Летние каникулы в лицее

Татьяна Усова, полноватая молодая женщина, работающая секретарем в лицее номер один, посмотрела на часы, стрелки показывали восемь тридцать.

Ежась от утренней прохлады, она озабоченно спросила идущего рядом сынишку:

– Егорушка, тебе не холодно? – И машинально откинула упавшую на глаза темно-русую челку.

Они вошли через распахнутые решетчатые ворота в школьный двор. По обеим сторонам асфальтовой дорожки весело голубели окрашенные глянцевой краской бордюры. Посаженные за ними цветы еще не распустились, лишь календула проклюнулась оранжевыми лепестками. Благодаря аккуратной прополке, растения образовывали четкий графический рисунок на почти черной земле.

У правого крыла школы горел огонь под конусовидной бочкой, неровно стоящей на двух колесиках. Сбоку у бочки торчала высокая ручка, напоминающая лесенку, за ее верхнюю перекладинку держался мужчина, одетый в подвернутые до колен джинсы. Его широкие плечи обтягивала застиранная футболка, голова по самые брови была повязана темным платком, разрисованным, как в детской игре, крестиками и ноликами.

– Нет, мама, не холодно, – ответил матери ребенок и остановился возле бочки.

– Интересно? – спросил мужчина, улыбнувшись мальчику, белые зубы сверкнули на загоревшем лице.

Егорка Усов молча кивнул, заморожено глядя на греющий бочку огонь.

– Егор, не мешай дяде работать! – одернула Татьяна сына и с опаской взглянула на стоящий недалеко баллон с газом. – Это вы крышу будете заливать? – спросила она рабочего.

– И крышу, и фундамент обрабатываем, – кивнул тот.

– Дяденька, что это варится? – не удержался от вопроса мальчик.

– Егор, ты перешел в пятый класс, а обращаешься к взрослому человеку, как маленький, – укоризненно произнесла Татьяна.

– Это битумная мастика, – серьезно на детский вопрос ответил мужчина. – Она нагреется, станет жидкой, мы покроем ею поверхность, мастика высохнет без всяких трещин и не пропустит дождь, а весной остановит воду от растаявшего снега, то есть защитит крышу и фундамент от протекания. В школе будет сухо и тепло.

Татьяна благодарно посмотрела на рабочего за то, что он не отмахнулся от любопытства ребенка, а обстоятельно объяснил то, что сама она не смогла бы, и сказала сыну:

– Пойдем, возьмем из спортзала мяч, и ты поиграешь на стадионе, только никуда со школьного двора не уходи!

– Когда настанет обед, я приду поиграть с тобой в футбол. Ты не против? – рабочий подмигнул Егору.

Мальчик помотал головой.

– У вас есть дети? – тепло улыбнулась Татьяна.

– Есть, только живут не со мной, – лицо рабочего стало строгим.

«Разошелся, а о детях не забывает», – мысленно посочувствовала женщина.

– Эй, Смышляй! – крикнул сверху подошедший к краю крыши крепкий мужчина. – Как там у тебя?

– Все нормально, Кузьмич! – ответил общительный Смышляй, задрал голову.

На часах было одиннадцать, когда к школе подошла Марта с дочкой Юлькой.

Школьный двор уже всюду заливало солнце. Пятеро мальчишек на стадионе гоняли мяч.

– Егор, бей! – долетел до Марты и Юльки мальчишеский крик.
– Мама! – затеребила руку матери девочка. – Смотри, это Егор из соседнего дома!
– Видишь, как хорошо, – ответила Марта дочери. – Ты еще не попала в списки учеников школы, а у тебя уже появились знакомые.

Рядом прошуршали колеса, и остановилась длинная перламутровая машина. Со стороны водительского сиденья распахнулась дверца, и из машины тяжело выбрался немолодой высокий мужчина, с зачесанными назад великолепными седыми волосами.

"Интересно, как до преклонного возраста люди умудряются сохранить такую мощную гриву?" – невольно возник в голове Марты вопрос.

А мужчина с высоты своего роста с искренним интересом уставился на женщину, разом охватив ее взглядом с головы до ног, а затем перевел глаза на Юлю.

– Собираетесь поступать в лицей? – поинтересовался он надтреснутым голосом.

– Хотелось бы, – вздохнула Марта. – Но у нас мало шансов. По прописке мы относимся к другой школе.

Мужчина покачался, перекатившись несколько раз с пяток на носки, задумчиво посмотрел из-под кустистых бровей на женщину и ребенка.

– Я вас отведу к секретарю, – наконец произнес он, – она вас запишет на прием, но только на завтрашний день. Сегодня у меня совершенно нет времени. А завтра подумаем, что с вами делать.

– Спасибо, – ответила немного растерявшаяся Марта.

– Минуточку! – остановил он ее движением руки и, прикрыв ладонью, как козырьком, глаза, поднял голову, его взгляд замер на крыше.

Там сустились мужчины, раздетые до пояса. До стоящих внизу людей долетали отдельные слова и смех.

Марта встретила взглядом с рабочим, вставшим на самый край крыши. Тот, проведя растопыренными пальцами по лбу, поднял высоко над бровями бандану и смахнул тыльной стороной кисти пот со лба. Переведя глаза на стоящего рядом с женщиной мужчину, уважительно крикнул:

– Доброе утро, хозяин! – рассеивая последние сомнения Марты в том, что ее собеседник – директор лицея Чанов.

Директор в ответ махнул рукой и обратился к Марте:

– Лето – самое горячее для нас время, потому что мы занимаемся ремонтом. В этом году решили взяться за крышу, хотя проблем с ней нет. И не было! Не понимаю, как можно доводить здание до состояния мокрых стен.

Он распахнул перед Мартой одну из трех тяжелых дверей, пропуская ее и Юлю вперед, в нос ударил легкий запах краски, олифы, лака. На стенах темнели пятна свежей штукатурки. В коридоре носились женские голоса. Самих женщин не было видно, они возились, стучали шпателями, штукатуря в углу коридора.

– Сестра говорит брату: "Давай в маму-папу играть!" – "Давай. А что делать?" – "Ты мне в ухо скажи "ши-ши-ши". Брат повторил, а сестра отвечает: "Я стирала, я устала, я сегодня не могу!"

– Так это старый анекдот! – воскликнул глуховатый голос. – С детства помню.

– А у меня все так и есть, как в этом анекдоте. Так устаю, что мужа на диван спать отправляю, чтобы не мешал.

– Смотри доотправляешься, найдет себе другую!

– Здравствуйте, Аристарх Михайлович! – поднялась из-за стоящего у входа стола худенькая, смуглая немолодая женщина.

– Здравствуй, Серафима! – кивнул директор. – Что новенького?

– Все старенькое, как и сами, – махнула рукой Серафима, – работаем.

– Это наша вахтер Серафима Игнатьевна, – Чанов показал Марте взглядом на женщину и сухо улыбнулся.

– А вы хотите о нас фильм снимать? – спросила вахтер. – Вы же с телевидения. Я вас сразу узнала!

– Может, и снимем, – смешалась Марта.

– О чем еще снимать, если не о нас? – строптиво спросила женщина. – У нас лучшая школа в городе!

– А пол, Серафима, почему грязный? – оборвал женщину директор. – Кто меня уверял, что на входе будет всегда чисто?

– Так я помою, – с вызывающей интонацией сказала вахтер.

– Вот и возьми.

Внутри школа оказалась такой же типовой, как и снаружи: слева от входа поднималась лестница, ведущая на второй этаж. Напротив нее был замечен небольшой спуск в столовую. Рядом, наискосок от входа, белела дверь с табличкой «приемная». Справа от приемной уходил прямо коридор, закрываемый с двух сторон высокими рамами со стеклом. Справа от входа шел небольшой коридорчик, над которым тянулась строгая надпись "спортзал".

– Прошу вас, – проговорил Чанов, указывая рукой в сторону приемной.

И словно по волшебству, тут же открылась белая дверь. На пороге появилась полноватая молодая женщина с заколотыми сзади темно русыми волосами.

– Татьяна Алексеевна, куда же вы собрались? – поднял свои густые брови Чанов.

– Хочу на секунду выскочить, посмотреть, что там Егорка на улице делает?

– Мяч гоняет, – ответил директор.

Женщина нехотя вернулась в кабинет, ее щеки заметно покраснели.

Следом вошли в приемную Марта с Юлькой, и уже последним – Чанов. Он наклонился над столом секретаря, строго постучав пальцем в деревянную поверхность:

– Посмотрите мой завтрашний график и запишите посетительницу на прием. А сейчас я жду спонсоров.

Обернувшись, директор еще раз окинул Марту взглядом и проговорил:

– До встречи, милая дама. Надеюсь, мы сможем решить все вопросы.

И он исчез за дверью, на которой красовалась золотистая табличка с черной витиеватой надписью "директор". Она напонила посетительнице красивую наклейку на конфетной коробке.

Марта повернулась к Татьяне Алексеевне, та сосредоточенно листала толстый ежедневник.

– Завтра не получится, – качнула секретарша головой. – Завтрашний день у Аристарха Михайловича весь расписан. Послезавтра, четвертого июня, – она аккуратно записала на маленьком розовом листочке время приема и с улыбкой протянула его посетительнице. – Зато вы будете первой.

– Спасибо! – сказала Марта, пряча листочек в сумочку. – А вообще шансы поступить в лицей есть?

– Конечно! – вновь улыбнулась секретарша. – Если Аристарх Михайлович пообещал, можете не сомневаться. Послезавтра приходите с документами.

– Спасибо! – повторила Марта, у нее едва не выступили слезы от признательности, она повернулась к Юльке. – Доча, пойдем!

Татьяна проводила их критическим взглядом.

Они вышли из приемной. Марта чувствовала себя едва ли не счастливой. Проблема была решена. Почти решена. Женщину переполняла благодарность к людям, встреченным в школе, даже просто к стенам, которые сейчас старательно красили, ведь в них будет учиться ее дочь.

Серафима Игнатьевна, не поднимая глаз, торопливо терла пол шваброй.

– До свидания, – на всякий случай Марта решила попрощаться и с ней: надо иметь больше друзей там, где будет ходить ее ребенок.

– До свидания! – почему-то недовольно бросила ей в ответ старая женщина.

Но Марта этого не услышала. Тяжелая дверь за ее спиной медленно захлопнулась. Женщина и девочка оказались на улице. Сухой полуденный ветер жаром огладил лица, поднял вверх Юлькину косичку с газовым бантом на конце, взлохматил волосы Марты. Позади осталась атмосфера, пропитанная краской, лаком, сырой штукатуркой, полная женских, отдающих эхом, голосов. А снаружи приятно щекотнули обоняние ароматы отцветающих ранеток, нагретой пыли, желтеющей на клумбах календулы. Со стадиона неслись звуки ударов мяча, мальчишеского смеха, с крыши доносились редкие мужские крики.

В сумочке Марты запел телефон, и она поспешно достала вибрирующее устройство.

– Мартик, привет! – услышала она голос Сусанны. – Как твой поход к Чанову?

– Я думаю, попытка успешная, – оптимистично ответила Марта. – Директор – душевный, понимающий человек. Послезавтра меня ждут с документами.

– Мартик, я навела справки, собрала тайные сведения, – голос в трубке звучал совсем не шутливо. – Мне не терпится ими с тобой поделиться. Ты не обольщайся, в облаках не витай, но не все так бесполезно, будем думать. Я сегодня занята, а завтра вечером заеду за тобой: в клубе «Ночные пижоны» ожидается презентация нового парикмахерского салона, мне поручено подготовить о нем фоторепортаж. Съездим вместе, сделаем тебе модную прическу и поговорим. В семнадцать ноль-ноль я буду у твоего подъезда. Пока-пока!

Глава 4. Клуб «Ночные пижоны»

Сусанна уверенно вела свой новый автомобиль по узким улицам города.

– Не думай, что я любительница отдыхать в ночном клубе, – говорила она. – Но иногда хозяева клуба для привлечения элитных, если можно так сказать, клиентов устраивают интересные мероприятия, чтобы там скакали не только малолетки.

– Вообще не бываю в таких заведениях! Я слышала о клубных развлечениях: взбитые сливки с груди стриптизерш слизывают нетрезвые посетители – что может быть пошлее? – с гримаской отвращения сказала Марта.

– Ну, не все так плохо. Я тебе скажу, что клуб «Ночные пижоны» – лучший в городе, у него два хозяина: Ефимов и Пяльцев, и тот, и другой являются владельцами еще и других предприятий. В «Пижонах» у каждого из них своя зона ответственности, если говорить корявым деловым языком. Ефимов отвечает за развлекательное направление, то есть на нем – культурная программа. А Денис Пяльцев за кухню. Бар, ресторан – это сфера Пяльцева. В «Пижонах» можно очень вкусно поесть. А в последнее время в клубе устраиваются модные показы.

– Может, и стоит наведываться в этот клуб, – пробормотала Марта, она почувствовала себя отставшей от жизни города, хотя и работала на городском телевидении. – Но ведь это дорогое удовольствие, а наш канал на это не раскошелится.

– Проблема вашего канала в том, – заявила Сусанна, – что вы все репортажи делаете только за деньги, даже на новости смотрите с точки зрения рекламы. А для стоящего мероприятия платная реклама не нужна, поэтому вы оказываетесь в стороне. У вас неправильная политика...

– Скажи это моему начальству, – отмахнулась Марта.

Автомобиль затормозил на широкой, почти пустой площадке перед домом культуры монтажников, выстроенном в классическом стиле с колоннами и треугольным фронтоном. По обеим сторонам от здания шумели такие же старые, как само здание, темные тополя.

– А что так пусто? – с недоумением поинтересовалась Марта. – Может, сегодня «Ночные пижоны» не работают?

– Рано еще. Клубная жизнь начинается в шесть часов вечера.

Сусанна, выйдя из автомобиля, перекинула через плечо черную кожаную сумку с фотокамерой. В ответ на нажатие брелока послушно мигнули автомобильные фонари.

– Как может быть связан дворец монтажников с ночным клубом? – спросила Марта. – Странное место хозяева выбрали для ночных плясок.

Она с любопытством оглядывала начавшее ветшать помпезное здание и темные колонны с лепниной в виде дубовых листьев. По бокам от полированного входа стояли гипсовые скульптуры рабочих в монтажных касках.

Сусанна взглянула на подругу, насмешливо прищулив глаза:

– Нормальное место. Не становись занудой! Девочки, наверняка, уже на месте, – она подхватила Марту под руку и уверенно повела к правому крыльцу, по пути объясняя: – Ефимов, совладелец клуба, какое-то время возглавлял монтажное управление, дворец культуры принадлежал его епархии. Он за копейки выкупил подвал и переоборудовал его под клуб. Не сильно вложился, сама увидишь, но выглядит неплохо.

Девушки обогнули рамки металлоискателя и прошли через холл мимо зеркал раздевалки и столика с надписью «администратор». Охранники скучно курили на выходе из холла под значком «курение запрещено».

Приветствуя их, Сусанна подняла вверх ладошку.

– Салют, ребята! – и повернула в сторону.

Она привела Марту в светлую комнату с большими зеркалами на стенах и мягкими диванами по периметру, на которых сидели тонкие девушки с личиками, похожими на фарфоровые. Их волосы были уложены с продуманной небрежностью, на бледных, гладких щеках порхали тени от длинных ресниц. Пухлые губы приоткрывались бутонами, показывая белые зубы.

– Это что за красотки? – тихо поинтересовалась Марта.

– Модели из агентства жены Ефимова, – тоже шепотом ответила Сусанна. – Сейчас и из тебя сделают секс бомбу.

– Девочки, салют! – громко обратилась она к присутствующим.

– Здравствуй, Санночка! – вразнобой откликнулись они.

– Ну-ка, приведите-ка в порядок мою подружку, а я пока поработаю, – Сусанна улыбнулась.

На свободное место она, достав фотокамеру, бросила сумку и принялась снимать, что-то бубня под нос.

Тут же к Марте подошли две женщины. Одна увлекла ее за собой к стеклянному столику. Откуда-то из угла выкатили кресло, посадили в него Марту боком к большому зеркалу. Прикрыв глаза, она отдалась ловким рукам, которые что-то брызгали на ее голову, расчесывали волосы, стригли, и девушка уже не видела, чем занимается ее подруга.

Наконец, с плеч Марты сдернули нейлоновую накидку, обмахнули широкой кистью лицо и ловко повернули кресло к зеркалу.

– Пойдем, – Марту тронула за плечо Сусанна. – Модное дефиле начнется через час. Займем удобные места. – и потянула за руку подругу.

Марта, не сумев себя толком разглядеть, в считанные секунды очутилась на широкой металлической лестнице, спускаясь следом за Сусанной. Им навстречу плыла негромкая мелодия.

Девушки оказались в длинном помещении с разноцветными мигающими лампами под потолком. Марта разглядела, что бетонные стены помещения остались по-подвальному голыми, без штукатурки и краски. Колонны украшали различные шляпы: котелки, сомбреро, дамские с широкими полями, ковбойские. Под потолком парили яркие зонтики. Они висели на трубах, прикрывая убогость дизайна. Светильники в форме звезд меняющим светом преображали подвальный грубый примитив в сказочно яркое место, напоминающее волшебную пещеру Аладдина, наполненную сокровищами.

По сторонам зала уютными островками стояли мягкие кресла, жмущиеся вокруг квадратных столов. Сусанна остановилась около столика, расположенного у самой сцены. На нем стояла похожая формой на белоснежный манжет табличка "служебное обслуживание".

Подруга по-хозяйски отодвинула кресло и коротко сказала:

– Располагайся !

Сама, устроившись на втором сиденье, развернулась к сцене и закинула ногу на ногу.

Тут же из полумрака появилась официантка.

– Нам два коктейля. – не дала ей раскрыть рта Сусанна. – Что у вас сейчас популярно?

– Текила с мохито, – жеманно проговорила официантка. – И традиционный: водка с апельсином.

– Два традиционных.

У Марты совсем испортилось настроение: она чувствовала себя не в своей тарелке, поэтому пить и веселиться не было никакого желания. Вспомнив об обещанных важных сведениях, она сердито спросила подругу:

– Зачем ты меня сюда затащила? Заинтриговала, а с разговором тянешь. У тебя же какая-то информация о школе? Не о Глебе же... – голос ревниво дрогнул.

Музыка зазвучала громче.

Санна, пожав плечами, с гримаской нерешительности и пренебрежения заявила:

– Да так, мелочи, не стоило затевать разговор, – покусала губы в ответ на изумленный взгляд Марты. – А твой Глеб меня совсем не интересует! Я сейчас сделаю несколько твоих снимков здесь, а потом у себя в студии. Хватит тебе быть скромной мышкой. Ваш канал почти не смотрят, тебя не узнают. Я решила заняться твоим пиаром, хочу, чтобы на обложке журнала было твое фото, ты за это получишь деньги, и вообще станешь дороже: тебе, если понадобится, легче будет найти новую работу, и тебя начнет ценить твое руководство. Я даже готова заключить с тобой официальный договор и стать твоим агентом...

– Ради этой ерунды ты нагнала столько таинственности? – недоверчиво произнесла Марта.

Получив коктейль, Сусанна ближе придвинулась к подруге и, потягивая напиток через трубочку, нехотя заговорила:

– Дорогая, я в чудеса не верю и тебе не советую. Навряд ли Юльку возьмут в лицей за просто так. Если не брать в расчет денежный взнос, на который у тебя нет финансов, то есть другие способы расчета за поступление. Например, такие материальные взносы: компьютер в подарок лицу, оплата поездки директора в Штаты и так далее. Твой Глеб мог бы создать дизайн-проект для школы, но в разгар ремонта это неуместно. Вы опоздали.

Глаза у Марты в полумраке казались изумленно-огромными. Музыка гремела, и Сусанна наклонилась к самому уху подруги, продолжая говорить:

– Есть нематериальные способы оплаты поступления: телерепортаж о школе, статья в прессе... Тут моя фантазия иссякает, и остается только один вариант помимо перечисленного – койка.

– Какая койка? – Марта поперхнулась напитком.

– Та самая, на которой занимаются сексом, – Сусанна сломала соломинку и, отбросив ее, разом опустошила бокал. – Ты завтра с ним встречаешься, поэтому должна быть во всеоружии, знать все варианты, которые от тебя могут потребовать. То есть попросить.

– Но ведь ему шестьдесят, какая...

– Семьдесят, – уточнила Сусанна. – Но он хорош. Мужественный, красивый, редкий экземпляр настоящего мужчины.

– Ты так его хвалишь, словно продаешь. Он не в моем вкусе. Откуда ты это взяла? Про койку?

– Об этом не трезвонят, но знают. Все делается в тихую, женщины, которых он использовал, жаловаться не идут. У них своя выгода. И вообще, Чанов никого не насилует.

– Зачем ты это мне говоришь? – голос Марты зазвенел не то слезами, не то обидой.

– Главная причина, почему мамы с ним спят: от него многое зависит, я имею в виду будущее детей. Дети – это ахиллесова пята родителей. Понимаешь, я сочла нужным тебя предупредить, а ты сама решай, на что пойдешь. Некоторые считают, что это лучший вариант. Победа малой кровью. Тут важно, чтобы ты оказалась во вкусе Чанова. Судя по твоему оптимизму после встречи с ним, с этим все в порядке. Тебе некоторые позавидуют. Даже многие. Можешь в процессе закрыть глаза и представить, что занимаешься любовью с Глебом.

– Ты с ума сошла? – уставилась на подругу ошарашенная Марта. – Я помню, ты говорила «никогда».

– Я была глупа. Молодая, обиженная, что ты хочешь? – она усмехнулась. – Я решилась на этот – как его назвать? – неприятный разговор, чтобы ты от неожиданности не влепила Чанову оплеуху, хотя, может, и стоило бы. Но вдруг ты потом пожалеешь? Определяйся сразу на берегу, что ему можешь предложить за место для Юльки, или ищи другую школу, попроще – Сусанна встрепенулась: – О, девочки вышли на подиум! Все, я работаю.

На сцене появились девушки-модели, которых перед этим Марта и Сусанна оставили в светлом зале с высокими зеркалами. Тонкие, с фарфоровыми лицами и пышными волосами, они двигались ритмично и плавно и напомнили Марте ансамбль Березку.

Глава 5. Рабочие на крыше

Директор первого лица Аристарх Михайлович Чанов совершал свой ежедневный обход школьного здания. Летом он меньше сидел в кабинете из-за идущего во всех уголках школы ремонта, самой ответственной частью которого являлась заливка крыши.

Лицею исполнилось двадцать лет, и никогда за все это время не было ни одного случая протечки кровли. Стаж работы Аристарха Михайловича в должности директора насчитывал тоже двадцать лет. Директор дошел до верхнего этажа и по железной лестнице, которая, покачиваясь под его внушительным весом, громыхала, поднялся на крышу.

Шум смолк, рабочие, бросив работу, с любопытством смотрели на старого человека, который не побоялся забраться на самый верх. На горячей крыше стоял огромный бак расплавленной смолы, лежали рулоны кровельного материала. Пекло июньское солнце, которое наверху казалось более жарким, чем на земле.

– Как двигается работа? – спросил директор подбежавшего к нему бригадира, которого рабочие называли просто Кузьмичем.

– Хозяин, у нас все отлично, к началу учебного года все будет тип-топ, а может, и раньше.

– Это хорошо, что тип-топ, – добродушно улыбнулся директор. – Как обедается в нашей столовой?

– Сегодня первый день поели горячего, мы очень рады, – подобострастно произнес Кузьмич. – А то таскали из дома бутерброды всякие.

– Вот и замечательно. Какая сегодня у вас норма по заливке крыши? – хитро взглянул из-под седых бровей директор.

Выслушав подсчеты, он кивнул.

– На столе секретаря лежит подписанное мною приложение к договору подряда. Возьмите свой экземпляр. Можете взять вечером, не горит, – произнес директор. – Там внесены изменения по срокам и обговаривается премия. Ладно, ребята, работайте, у меня другие дела. Вас солнце не изжарит?

– Мы привычные! – сказал бородатый рабочий с лучистым прищуром глаз, а другие засмеялись.

– Смотрите, а то пресса напишет, что школа, а именно: директор, эксплуатирует рабочий класс. Не следит за соблюдением правил безопасности! Хотя по договору подряда ответственность за это лежит на вас.

Бригадир бежал взглядом своих рабочих, ему не нравились разговоры о дополнительных обязанностях и дополнительной ответственности. Работа два дня, как начата, можно от нее и отказаться. Они тогда поставят свои условия, и директору некуда будет деться. За короткое время он не найдет замену их бригаде и откажется от каких-то лишних требований.

– Смышляй! – позвал Кузьмич одного из строителей, который, вскинув глаза, не спеша стянул с головы платок и вытер им темное лицо, его кудрявые волосы упали на лоб. – Сбегай-ка вниз, к секретарю, возьми там приложение к нашему договору. Прочитай внимательно! – бригадир обратился к директору: – Смышляев – у нас главный по документам.

Аристарх Михайлович одобрительно посмотрел на Смышляева, он уважал умных, знающих людей. Рабочий показался ему похожим на него самого, директора Чанова, только молодым и сильным. Чанов не смог определить его возраст. Крепкий, подтянутый, он выглядел молодо, и можно было дать около двадцати пяти лет, но солнце обрисовало загаром морщины на подвижном лице.

Директор лица пошел назад к металлической лестнице, ведущей с крыши на чердак, которая шумно заходила ходуном под его неловкими движениями.

– Это ж сколько ему лет? – спросил бородатый рабочий, его глаза, провожающие директора, казалось, совсем утонули в прищуре.

– Сто! – смешливо определил молодой парень с проступающими через загар веснушками.

– Что ты понимаешь, Санек! – махнул рукой Кузьмич. – Всего-то шестьдесят, а может, чуток побольше.

– Нехилый мужик! Фору даст молодым, – вразнобой заговорили люди.

– Что вы хотите? Хозяин! – уважительно произнес Кузьмич. – У него все под контролем: и крыша, и каша.

– А меня другое интересует: это как можно столько лет работать в школе? – задумчиво спросил бородатый. – Это ж, считай, в малиннике! Да еще начальником! В школе работают одни бабы.

– И видно, что по молодости он был красавец, – оценил худощавый, в застиранных шортах, мужчина. – Он и сейчас хорош.

– А я не завидую! От такого спроса можно свихнуться! – продолжил рассуждать бородатый.

– Ты думаешь, он не свихнулся? – пошутил веснушчатый Санек. – Может, он маньяк? Сексуальный!

Мужчины рассмеялись.

– А он и есть маньяк, – серьезно сказал Кузьмич. – Только он не ищет баб, они к нему стучатся сами. Такие молодые красотки – мамы первоклашек – шмыгают к нему в кабинет! У него за кабинетом есть комнатка, вот он там с ними воркует, то с одной, то с другой. Я прошлой осенью у окна откосы ремонтировал: изоляция начисто отсутствовала. За два дня я в этой комнатке трех разных королевен встретил. Ладно, это не наше дело, – оборвал он себя. – У мужика получается – молодец! Чтоб я так жил в шестьдесят! Эй, Смышляй, все хочу тебя спросить: откуда у тебя шрам на спине?

– Когда ремонтом у матери в деревне занимался, забор с торчащим гвоздем на спину упал, – охотно пояснил Смышляев. – Тяжелый такой забор...

– Как все просто! – удивился Санек, натягивая на рыжеватые вихры синюю кепку. – А я думал, это след от пули. – Парень округлил глаза. – Мне казалось, ты в бандитских разборках участвовал.

– Когда кажется, тогда крестятся, – хмыкнул Смышляев. – Кстати, сколько у тебя этих кепок? Черная, синяя, красная...

– Подожди, я еще волосы покрашу, приду – не узнаете!

Выбрав из кучи валявшейся на газете одежды свою футболку, Смышляев натянул ее на тело и быстрыми шагами отправился к пожарной лестнице, пристроенной к внешней стороне здания, смотрящей во двор. Ухватившись за перекладину, мужчина по-кошачьи ловко спустился вниз.

У стены, на куче влажного песка, сидела девочка. Ее заплетенная колоском косичка заканчивалась на спине прозрачным голубым бантом, напоминающим воздушный шарик. Смышляев хотел было идти в школу к секретарю, но удивленно остановился. Перед девочкой стоял вылепленный из песка заяц, одно ушко зайца была опущено.

– Как ты это сделала? Неужели сама? – не удержался мужчина от вопроса.

Она закусила губу и только покивала.

– И как это у тебя получилось?

Девочка пожала плечами, опять молча.

– А может, великий скульптор скажет, как его звать? Меня зовут смешно: Сим-Симом, можно дядей Симеоном. А тебя?

– Юлией, – едва слышно произнесла девочка.

– Юлия! Императорское имя! Что ты здесь делаешь одна, Юлия?

– Жду маму, – и губы у девочки задрожали.

– Мама в школе, да?

Девочка опять несколько раз кивнула.

– Тогда пойдем со мной в школу маму искать.

– Нет, мама сказала никуда не уходить.

– Правильно сказала мама. Маму надо слушаться, – сказал Смышляев. – Ну, я пойду один искать твою маму. – И он широким шагом отправился к главному входу в школу.

Мужчина остановился перед белой дверью с табличкой «приемная» и дернул ее за хромированную ручку.

Секретарь Татьяна при виде вошедшего широко улыбнулась:

– Здравствуйте-здоровствуйте! И сегодня вы раньше нас на работу пришли? А ведь мой Егорка после знакомства с вами мечтает крыши ремонтировать!

– Забавно! – прокомментировал мужчина, оставаясь серьезным. – Лучше пусть хорошо учится.

Его глаза остановились на молодой женщине, сидящей на темном диване. Ее светлые волосы были ровно острижены, длинные узкие глаза в пушистых ресницах казались глубокими, этот эффект усиливал темный цвет радужки.

– Там ваш гениальный ребенок сейчас заплачет, – обратился Смышляев к женщине. – Это же ваша девочка на улице?

– А вам какое дело? – женщина остановила выразительный взгляд на его мятой футболке.

– Кто вам разрешает на чужих детей смотреть?

– Так не оставляете своего ребенка одного! – резко ответил рабочий. – Иногда это плохо заканчивается.

Секретарша с любопытством поинтересовалась:

– Это вы о чем?

– Это я о документах, – сказал Смышляев. – Мне нужно приложение с дополнениями к договору подряда.

Дверь открылась, и в приемную по-хозяйски вошел директор Чанов.

Он взглянул на женщину, сидящую на диванчике, и его брови с нитями седины в них вопросительно поднялись.

Женщина вскочила с дивана.

– Вы мне назначили на сегодня встречу, – торопливо заговорила она. – Я Марта Ивановна Злачевская. Мы с вами позавчера разговаривали.

– Я помню, – кивнул Аристарх Михайлович, – и приму сразу, как только освобожусь.

Потом он повернулся к Смышляеву, с интересом глядя на экземпляр документов в темных от загара руках.

– Значит, вы в бригаде являетесь еще и специалистом по договорам? Думаю, мои дополнения к документу не вызовут возражений, – сказал Аристарх Михайлович. – Но вы лично меня очень заинтересовали. Чем занимаетесь, кроме этих летних шабашек? Может быть, пойдете к нам преподавать труд у ребят? Или ОБЖ? У вас какое образование?

– Нормальное, – недовольно ответил Смышляев, – мне хватает!

Директор, сделав вид, что не заметил вызывающего ответа рабочего, пояснил:

– Мне в коллективе нужны мужчины, они нужны детям, у нас много учеников из неполных семей. Когда нет отцов в семьях, хочется, чтобы дети видели настоящих мужчин хотя бы в школе. Вы согласны, что проблема существует?

– Возможно.

– Вот и подумайте над моим предложением. Мы можем принять вас с первого сентября.

– Тут и думать нечего: бабский коллектив не для меня, – ответил, как отрезал, Смышляев.
– И образование не то.

Чанов, пожав плечами, повернулся к женщине, вновь устроившейся на диване; во время мужского диалога она внимательно разглядывала собеседников.

– Проходите в кабинет, Марта Ивановна, – приветливо произнес он. – Я понимаю вас так: вы хотите, чтобы ваш ребенок учился у нас в лицее.

– Да, – не сразу ответила Марта, – очень хочу.

А Смышляев вернулся во двор школы. Около кучи песка девочки не было, там, где полчаса назад возвышалась фигура зайца, отчетливо бугрился рельефный отпечаток спортивной обуви, наполовину прикрытый прозрачным голубым бантом.

Мужчина аккуратно отодвинул его и, глядя на отпечаток обуви, вслух пробормотал:

– Детский размер. Или маленькая женская ножка. Интересно, кому не понравился наивный шедевр?

Зажав в зубах файл с листами договора, он ухватился за нижнюю перекладину пожарной лестницы. Подтянувшись, стал не спеша подниматься вверх. Нижние окна находились высоко, и с земли, даже при очень высоком росте, ничего нельзя было увидеть.

Стоя на лестнице, Семен невольно заглянул в окно, расположенное рядом с железными перекладинами. Глазам открылась уютная комнатка с диваном, умывальником и ковром на полу. Добравшись до верха лестницы с документами в зубах, Смышляев оглядел двор с крыши: девочки Юли не было видно.

Глава 6. Виды спонсорской помощи

Кабинет директора школы показался Марте светлым и просторным, хотя противоположная стена отливала темным лаком шкафов высотой под потолок. Полки, уставленные книгами, придавали кабинету величественность и солидность. Массивный стол в форме буквы «т», тяжелый письменный прибор из мрамора, несколько телефонных аппаратов, стилизованных под старину, добавляли в строгость помещения атмосферу комфорта и добротности.

Чанов занял свое место в центре строгой геометрии, состоящей из представительского стола в форме буквы «Т», и аккуратно расставленных мягких стульев.

Подняв глаза на Марту, он протянул широкую, сухую ладонь:

– Ваши документы.

Марта робко пододвинула к нему файл с бумагами, и глаза директора уткнулись в документы.

Шелестели листы, за окном перекликались птицы.

Аристарх Михайлович вновь аккуратно вернул бумаги в файл, помучил пальцами лоб и подошел к окну. Его руки распахнули пластиковые створки, и пение птиц явственнее зазвучало, а в помещение потянуло свежестью и запахом календулы.

Повернувшись спиной к окну, Чанов спросил:

– Марта Ивановна, вы, наверняка, знаете закон, который гласит, что учащиеся зачисляются в школу в соответствии с пропиской, то есть по месту жительства. Когда вы обратились ко мне, я полагал, что вы живете в соседних со школой домах, но вы относитесь совсем к другому району. Подойдите к нашему секретарю Татьяне Алексеевне, она вам подскажет, в какую школу вам следует обратиться.

– Но, Аристарх Михайлович, – возмущенно и в то же время просительно заговорила Марта. – Я вам сразу сказала, что мы по прописке не относимся к вашему лицу! Вы, видимо, не обратили внимания на мои слова. Мы хотим учиться именно в вашей школе, у нее авторитет, превосходная репутация... Это несправедливо, что моя умница-дочь не имеет возможности попасть в достойное учебное заведение!

Чанов вернулся в директорское кресло, он откинулся на спинку и стал расслабленно покачиваться.

– Прошу вас, садитесь, – заговорил он. – Я слышу подобные слова и подобные просьбы каждый день. Но наш лицей не резиновый, мы не можем принимать всех желающих. Хотя... есть возможность обойти правила о зачислении в лицей по прописке. Но только в том случае, если вы внесете на счет школы сто тысяч рублей. Только тогда городское начальство поймет, почему вы, вопреки вашему месту жительства, зачислены в наш лицей. Российское образование, знаете ли, нуждается в спонсорской помощи. А вообще, на сегодняшний день запись учеников в школу закончена, – директор протянул паузу, уткнувшись в бумаги. – У нас, конечно, может появиться место, потому что бывают всякие случаи: некоторые семьи уезжают, родители забирают документы. Место может освободиться...

– Сто тысяч!? – не слушая его, воскликнула ошеломленная Марта. – Это больше, чем в университет!

– Где вы работаете? – бесцеремонно поинтересовался директор.

– Это имеет какое-нибудь значение? – спросила вконец расстроенная женщина.

– Это имеет очень большое значение, – проговорил Чанов и пояснил: – Мы смотрим не только на детей, но и на родителей. Важно, чтобы родители помогали своим детям, были заинтересованы в их успехах. Это об учащихся, а если вернуться, в целом, к лицей, то говоря о финансовой помощи, я имел в виду любое спонсорское участие: административную помощь,

информационную, ресурсную, например, типографские услуги, предоставление транспорта для экскурсий. Не лишней будет даже физическое участие в решении проблем лицея. А у нас их множество. Нам также необходимы новые компьютеры, программное обеспечение. Подумайте, чем вы можете помочь лицей. Содействуя школе, вы поможете вашей дочери. Такими же энтузиастами являются и другие родители.

– Я не знаю, чем могу помочь, – растерянно ответила Марта.

– Может быть, возможности вашего мужа больше, чем ваши? – подтолкнул директор мысли Марты в другом направлении. – Кем работает ваш супруг?

– Он художник, – горько произнесла женщина. – Он ничего не умеет. Куклы, картинки, тарелки – всякая ерунда.

– Так, где вы работаете? – настойчиво спросил директор.

– Я работаю на местном телеканале «Губерния», – призналась расстроенная Марта, подзревающая, что Чанов прекрасно осведомлен о ее месте работы, но от нее ничего не зависело на телевидении, и она обреченно приготовилась выслушать просьбы или требования о репортажах, интервью, передачах.

– Ну вот! – директор оживился. – А говорите, что не в состоянии помочь лицей! Нам, как воздух, нужна информационная помощь. Необходимо поднимать престиж нашего учебного заведения! – Чанов вышел из-за стола, и Марта увидела, какой он высокий и прямой, несмотря на возраст.

А директор, гипнотизируя ее заинтересованным взглядом, продолжал говорить:

– Ваша дочь мне очень симпатична: у нее прекрасные оценки, имеются грамоты. Я искренне хочу, чтобы она училась в нашем лицее, несмотря на то, что вы живете в другом районе. И я попробую решить эту проблему. Но и вы помогите мне в этом! Одним словом, подумайте, – директор подошел к ней, давая знать, что больше времени на беседу с ней у него нет. – У вас пока есть время, чтобы решить вопрос о ваших возможностях. Если вы ничего не сможете предложить, мне будет жалко, что ваш ребенок уйдет в другую школу.

– Я приду завтра в два часа дня. Можно? – Марта схватила его ладонь и сжала обеими руками.

Она вышла в приемную, где за компьютером сидела Татьяна. Гладкие волосы молодой женщины были забраны в светлый узел, узкая юбка эффектно обтягивала полные бедра, частые пуговицы светлой блузки были сверху расстегнуты, открывая еще не загоревшую кожу. От компьютера тихо плыла романтическая песня о вечной любви.

Глядя на умиротворенную Татьяну, Злачевская почувствовала злое раздражение. Она вспомнила, как секретарь уверяла, что Юлю зачислят в лицей, если "Аристарх Михайлович пообещал, можно не сомневаться". Марте захотелось едко поинтересоваться, не до осени ли ей придется ходить и ходить в школу, ожидая обещанного зачисления.

Но она сдержалась, обреченно решив: если понадобится приходить сюда три года подряд, она будет приходить, даже если ее уволят с работы за систематические опоздания.

Глава 7. Отец и дочь

– Гле-е-еб, – протянула Марта, подкрашивая перед зеркалом губы. – Я иду в лицей. Юлька пусть сидит с тобой. На нее уже вчера вдоволь налюбовались в новой школе: волосы растрепанные, коленки в песке, руки в песке... воплощенный ужас! Я чуть не свихнулась, когда ее искала. Сказала ей сидеть во дворе школы, а она убежала. Ей, видите ли, пить захотелось! Потерпеть мы никак не могли! Кстати, твой газовый бант она потеряла У меня вчера истерика началась, когда я дочь во дворе не нашла. В общем, сегодня у меня новая встреча с Чановым. Ты знаешь, что поступление в лицей стоит сорок тысяч? – Марта не смогла сразу назвать реальную сумму взноса для поступления в школу.

– Сколько? – Злачевский решил, что не расслышал.

– Сорок тысяч! – едва ли не по слогам выпалила Марта. – Представляешь? И это минимум! С бо-о-ольшой скидкой! А так сто тысяч, как с куста!

– Так может, пошел к черту этот лицей? – неуверенно произнес Глеб.

– Как это пошел к черту? Тебе наплевать на будущее твоего ребенка? Это лучшее школьное заведение в городе! Значит, другие дети пусть учатся, получают качественное образование, а наша недостойна!

– Но ведь у нас нет таких денег, как мы туда устроим дочь?

– Вот я и иду торговаться с Чановым, как последняя дрянь на рынке...

Но мысленно она усмехнулась, потому что уже была готова сдаться в споре за место дочери в лицее.

– Пообещаю сюжет о лицее на своем канале, – вслух продолжала говорить Марта. – Начальство будет сопротивляться. Но раз денег мне хороших не платят, пусть хоть так помогут. Ой, Глеб, если я Юльку устрою в лицей, мне надо будет при жизни памятник поставить! – и она вздохнула. – Пока-пока!

В прихожей звонко простучали ее каблуки, хлопнула дверь. И Юля повернула голову на громкий звук.

– Дочь, и что такое вчера случилось? – спросил Глеб сидящего за столом ребенка.

– Я ждала, ждала маму, пить захотела. А тут еще какой-то дядя подошел, я напугалась и убежала в школу. Там добрая уборщица, имя у нее смешное: Серафима Игнатьевна, она мне водички дала. А потом карандаши достала и бумагу, я сидела и рисовала на столе в столовой. Я ей много всего нарисовала. Просто мамы долго не было. А я думала, что еще дольше не будет.

– Ясно. Ну что? Давай, помогай мне доделать клоуна «петрушку».

Глеб достал из-под стола большую расписную коробку, в которой стояло пять кукол в разноцветных колпачках с бубенчиками. Их тряпичные лица были аккуратно разрисованы яркими красками. Клоуны смотрели синими глазами, над которыми загибались вверх длинные ресницы, на круглых щеках розовел румянец, все пятеро широко улыбались яркими ртами, и у всех краснели похожие на кнопки носы. Только одежда у кукол отличалась: рубашечки, штанишки, ботиночки, тесемки – все было многоцветным, сшитым из разных лоскутков ткани.

– Какие миленькие! – воскликнула Юля.

Словно фокусник, Глеб достал из кучи тряпья еще одного "петрушку".

– Ну-ка, пришей колокольчики к колпаку, – попросил он дочку. – А вечером я пойду в переход и попробую их там продать.

– А когда мы начнем делать балерину? – спросила девочка. – Ты обещал...

– Сегодня и начнем, – ответил отец. – Наша балерина получится красавицей. Мы ей сошьем юбку из газа, и она получится воздушной и нежной, как стрекоза.

– Папа, а почему эта ткань называется газовой? Бант, который у меня потерялся, мама тоже называла газовым. Но ведь газ невидимый. Да? Это все равно, что ничего, это воздух.

Брови отца удивленно поднялись:

– Да ты умница! При изготовлении газового полотна между нитями остается пространство, то есть воздух, поэтому у этой прозрачной, тонкой ткани такое странное название. Лет сорок назад многие женщины носили газовые платки и шарфы. Делают газ из хлопка, тонко-тонко скрученного.

– Папа, откуда ты все знаешь?

– Хороший художник должен знать пусть не все, но многое.

– Я очень хочу быть художником, делать, как ты, куклы! Это лучшая в мире работа! – убежденно сказала Юля.

– Только наша мама так не думает, – вздохнул Глеб.

Глава 8. Заплатить можно сексом

Телефон запел, и Марта стала торопливо шарить рукой в объемной сумке, пытаясь нащупать трубку. Она вытащила аппарат, когда он уже замолчал. Оказалось, что звонила Санна. Марта хотела было перезвонить, но раздумала. Если надо, подруга сама ее наберет.

И тут же телефон задрожал в ладони.

– Марта, привет, – почти запела в трубке Сусанна. – Что там у тебя получилось с лицом? Приняли?

– Примут, – сказала Марта.

Но подруге было мало скупых слов, ей нужны были подробности.

– Что, прямо лично пообещал? Деньги уже отдала?

– С деньгами пока не решено. Сегодня обговорим точную сумму, – ответила Марта.

– Ясно. Значит, свидание состоится сегодня, – сделала вывод Сусанна. – Ну, потом расскажешь. Я заскочу вечером? Если Глеб будет дома, уйдем куда-нибудь. Окей?

– Ага, – бросила в трубку Марта и нажала на кнопку.

Она почти бежала к школе, удивляясь себе и уговаривая себя: не девочка ведь, чтобы так волноваться из-за встречи с мужчиной, даже если свидание будет интимным. Она не первая. Актрисы, говорят, получают свои роли через постель. Но сердце билось так, что отдавалось в висках, хотя какая связь между сердцем и головой? И Марта решила, что нервничает только из-за неясности, а точнее из-за неуверенности, что Чанов примет нужное для нее решение.

«Это решающий день», – стучало в голове. И в то же время Марта понимала, что глупо придавать такое большое значение поступлению ребенка всего-то в пятый класс пусть даже очень хорошей школы. Ведь это не выпускной год и не поступление в ВУЗ. Сколько еще будет важных дней в жизни! Но вот из них, из их суммы, и состоит общий успех. Ей страшно было даже представить, что ее дочь может пойти в рядовую школу, где нет порядка, нет культа знаний, где главными героями школьной жизни являются троечники и двоечники.

Школьный двор заливало солнце, с крыши неслись мужские голоса. Марта подняла голову и встретила взглядом с мужчиной с открытым торсом, его одежду составляли подвернутые джинсы. Злачевская вспомнила, что это тот самый тип, который назидательно ей говорил, что нельзя оставлять ребенка одного на улице. И его директор уговаривал стать преподавателем.

Марта, поспешно отведя глаза, вошла в школу. Машинально поздоровавшись с уборщицей-вахтером, она устремила к кабинету Чанова. Часы в коридоре показывали время без пяти минут два. Она пришла чуть раньше. Ее рука с тонким обручальным кольцом толкнула дверь приемной. Широко, как давней знакомой, улыбнулась ей симпатичная секретарь.

– Аристарх Михайлович ждет вас, – произнесла девушка.

А Марта вдруг подумала: «Интересно, он спит с ней? Если спит, то где? Прямо в кабинете? Или в приемной на диванчике? Она замужем?»

Воображение нарисовало секретаршу, сидящую на диване в приемной и стоящего перед ней на коленях величественного Чанова. И Марта покраснела, испугавшись, что ее мысли может кто-нибудь угадать.

Она осторожно открыла дверь, Чанов оторвал взгляд от лежащих перед ним бумаг и поднялся навстречу вошедшей женщине.

– Здравствуйте, – ее губы фальшиво растянулись, и голос прозвучал неестественно.

«А ведь он, наверное, с ней целуется и говорит ласковые слова», – в голове продолжала раскручиваться начатая тема.

– Проходите, усаживайтесь, – Чанов протянул руку.

И Марта села за стол на ближайший к нему стул.

– Чем порадуете меня? – спросил директор.

– Я добьюсь того, чтобы на канале показали ролик о лицее, – пообещала Марта. Надеюсь, что муж подготовит проект художественного оформления школы.

– Ну вот, – улыбнулся директор. – А вы говорили, что у вас нет возможности сделать что-нибудь хорошее для нашего лицея, который с сегодняшнего дня будет школой для вашей дочери. Передайте документы Татьяне Алексеевне – я говорю о секретаре – и вы свободны до двадцать пятого августа.

– А двадцать пятого?.. – еще не веря счастью, спросила Марта.

– Двадцать пятого планируется встреча детей с классными руководителями. Вы следите за нашими объявлениями. Они будут на входных дверях.

– Да, конечно, – сказала женщина, неуверенно приподнимаясь из-за стола. – Так я пошла?

– Конечно, – кивнул Чанов, углубившись в бумаги, – документы Татьяне Алексеевне не забудьте отдать.

Марта, наконец, поверила, что ее Юльку приняли в лицей.

– Я вам так благодарна, так благодарна! – с жаром заговорила она. – Вот что хотите, сделаю! Я ведь совсем не надеялась, не верила... Школа – это же невероятно важно! Ведь мне говорили, что к вам попасть невозможно. Спасибо!

Чанов, оторвавшись от бумаг, посмотрел на нее, приподняв широкие брови, и улыбнулся.

– Я верю, что ваша дочь станет гордостью нашего лицея. И уже я буду вас благодарить за то, что привели ее к нам.

Ноги вынесли Марту за порог кабинета, она подбежала к столу Татьяны и протянула файл с документами.

– Мы у вас учимся! – сияя восторгом, воскликнула она. – Даже не верится! Ваш директор – святой человек! А говорят... Знаете, много говорят.

У Татьяны уголки губ поднялись, и на щеках появились ямочки.

– Вот и хорошо, – одобрительно произнесла она.

Доставая из файлов Юлькины документы, она раскладывала их на столе, как игральные карты.

– Ваши копии я заберу, – пояснила Татьяна. – А оригиналы сейчас верну. Ой, так мы живем с вами по соседству! – воскликнула она удивленно, внося в журнал сведения о прописке.

– Мы в пятнадцатом доме по Просторной, а вы в семнадцатом.

– А у вас, Татьяна... – Марта сделала паузу, она забыла отчество секретаря и ожидала, что та его подскажет.

Но девушка сказала:

– Можно просто Татьяна, отчество добавляет минимум десять лет, если речь идет, конечно, не об учителе, а я не хочу быть старой.

– Вы, наверное, правы. А у вас, Татьяна, есть дети?

– Есть и муж, и сын. Если мы соседи, то ваша дочка, наверняка, знает моего Егорку, – взгляд у секретаря стал мягким.

– Я так и думала, – откликнулась Марта. – У вас такой положительный, благополучный вид.

– Спасибо, – ответила та, не зная, как относиться к сказанному.

«Скорее всего, это комплимент», – подумала она и посоветовала:

– В конце августа приходите уточнить, в каком пятом классе будет учиться ваш ребенок. Думаю, в пятом «Б» вместе с моим Егоркой. В пятом «Б» на одного ученика меньше, чем в других классах.

А Марте было стыдно за подозрения в адрес этой чудесной девушки и директора.

– Вы просто красавица! – с жаром сказала Злачевская. – Да, у вас замечательный цвет волос!

Ей хотелось всем говорить только приятные слова, появилось желание крикнуть всему миру, какой добрый и справедливый директор первого лицея.

– Спасибо, – еще раз произнесла Марта, делая шаг, чтобы уйти.

– Пойдите! – остановила ее секретарь. – Мне нужна фотография вашей девочки для пропуска. Во время учебного года в лицей попасть можно только по пропускам. Если быстро принесете фотографию, к первому сентября пропуск будет готов.

– Конечно, принесу! – воскликнула Марта. – Завтра же и принесу. Зачем тянуть?

– Вообще, можете принести снимок мне домой, раз уж мы соседи, чтобы время не терять. Хотя от наших домов до лицея всего четыре остановки, – я иногда пешком хожу, когда время есть, и прогулки вообще полезны для фигуры, – но ведь у вас могут быть другие важные дела. Так что заходите к нам в гости, – Татьяна широко улыбнулась.

Какая милая женщина!

Секретарь мелко написала на розовом листочке свой адрес и протянула бумажку Марте.

– До завтра! – махнула та рукой, просяив счастливой улыбкой, и оставила Татьяну удивленной такой эмоциональностью.

Глава 9. Секретарь Татьяна

Татьяна сидела на диване, подобрав под себя ноги, и смотрела, как Аристарх Чанов, глядя вниз, сосредоточенно застегивает брюки, затем накидывает рубашку. Женщина незаметно, чтобы это не показалось демонстративным, втянула в себя плавающий в воздухе запах едва закончившихся сексуальных ласк. Надо проветрить комнатку, а то зайдет Серафима пол мыть и догадается. Она все подмечает. А разговоры и сплетни Татьяне ни к чему: у нее все-таки семья, и она ею дорожит.

– Насчет путевки для сына, напиши заявление в школьный родительский комитет о помощи, – пробиваясь через ее мысли, наставительно говорил Чанов глуховатым голосом. – Опиши ситуацию: муж – временно безработный, ты трудишься в лицее уже три года, у ребенка успехи в учебе, он спортсмен. Обстоятельно пиши, доказательно, чтобы у попечительского совета не было вопросов, почему я, не дожидаясь решения председателя комитета, подписал заявление о выделении для вас бесплатной путевки.

– Да, – послушно кивнула Татьяна, – я все так и сделаю.

– Прямо сейчас напиши и занеси мне, я завизирую, – сказал Чанов. – У мужа с работой по-прежнему плохо?

– Да, все так же курьерствует на побегушках, разносит по учреждениям документы.

– Я бы взял его к себе каким-нибудь электриком, но если он узнает о наших отношениях, убьет тебя или меня.

– Ну да, он может, – вздохнула Татьяна. – Он любит меня и Егорку.

Чанов тщательно вымыл руки над маленькой раковиной и вытер их снятым с крючка белым полотенцем. Посмотрел сверху на сидящую Татьяну.

– Не задерживайся, – сухо произнес он. – Говорю: сейчас напиши заявление. Ничего не надо откладывать на потом. В крайнем случае, я могу продиктовать тебе текст.

Хотя женщина давно была с начальником в близких отношениях, ей было стыдно одеваться при нем, все-таки он не муж, а чужой мужчина, и она подождала, когда Чанов уйдет.

Только после того, как он прикрыл за собой дверь, Татьяна принялась натягивать узкую юбку. Она всегда строго одевалась на работу. Для лета уже ранней весной приготовила деловой наряд: светлый низ и в тон тонкую рубашечку. Наклонив голову, она торопливо застегивала мелкие пуговицы на блузке. Слабая тень упала от окна, и испуганная женщина резко повернула голову. В стекло беззвучно билась голубая лента.

Татьяна почему-то на цыпочках, крадучись, подошла к окну, рядом с которым вверх уходила пожарная лестница. От одной из железных перекладин и тянулась зацепившаяся за металлический шип лента, она трепетала и прижималась к стеклу, как подбитая птица. Татьяна измерила взглядом расстояние до асфальта: не меньше двух с половиной метров. Никто снизу заглянуть в окно не сможет, только с лестницы. Но она была пуста, и женщина, успокоившись, дернула на себя узкую оконную створку. Уличный воздух хлынул в комнатку, лента дернулась и прижалась к подоконнику. Женщина потянула узкую ткань и оторвала ее от металлической занозы, задумчиво скрутив в рулончик, сунула ее под диванную подушку, как сделала бы это дома, когда выбросить вещь жалко, а что делать с ней, не знаешь.

Солнце ядовито плавилось в летнем небе, за окном раздавались крики мальчишек, играющих в футбол, среди них бегал ее сын.

Татьяна попробовала представить, что было бы, если б в окошко заглянул ее муж в тот момент, когда она, раздетая, лежала рядом с Чановым. А если бы их увидел Егорка? Это была бы полная катастрофа! Надо посоветовать Аристарху установить жалюзи, на всякий случай. Эти мальчишки могут залезть, куда угодно, и на лестницу способны забраться и подсмотреть.

Щеки Татьяны вспыхнули. Кому тогда будет плохо? Самому же Чанову станет хуже всех: от его репутации ничего не останется. Хотя что ему терять? Ему давно пора на пенсию, денег у него – вагон и маленькая тележка, и жена его не бросит.

Татьяна, критически осмотрев комнату, поправила подушки на диване. Этот уютный закуток сделали еще до того, как она пришла работать в школу. Отсекли несколько метров от примыкающей к кабинету директора библиотеки. Прорубили в стене проход и установили темную дверь, которая никак не выделялась среди книжных стеллажей начальнического кабинета. Приходящие на прием к директору не подозревали, что за его спиной находится вход в небольшую комнатку, где он может расслабиться и даже поспать в течение рабочего дня.

Татьяна едва слышно прошла через кабинет начальника, на мгновение задержала теплый взгляд на широких плечах и гривастых седых волосах. Все-таки какой он красавец! Каким же он был в молодости? Невозможно представить! Наверняка, мог заткнуть за пояс любого артиста, он и сейчас хорош, не случайно эта кикимора – учительница литературы вцепилась в него мертвой хваткой. Эта стерва запросто из-за Чанова может яд крысиный подсыпать, такая ревнивая! Может и чужими руками разделаться. Ей наплевать, что разница между ней и им – сорок лет. А что? Золотой мужик! Благодаря ему, эта выдра стала заслуженным учителем России. Хорошая пенсия ей в будущем уже обеспечена.

Татьяна взяла в руки чашку с недопитым чаем и выплеснула жидкость в корзину с мусором. Кто знает эту ревнивую бабу? Может, когда в приемной было пусто, она сюда заходила и подлила какой-нибудь гадости.

Разум твердил Татьяне, что ничего подобного быть не может, что ее пугает собственная совесть. Но ничего преступного она не делает – уговаривала женщина себя, – сейчас все так живут, добывают деньги, как могут.

– Танька, ты где была? В туалет что ли бегала? – На пороге приемной стояла вахтерша Серафима.

– Цветы поливала у Аристарха Михайловича. И чай собиралась попить, – как доказательство, Татьяна протянула опустевшую чашку.

– Иди, купи в столовой продукты. Пока можно, – заговорщически прошептала Серафима. – Школьный лагерь начнет работать только послезавтра, а у рабочих что-то аппетита нет из-за жары. Поклевали чуть-чуть, повара говорят, не мужицкий у них аппетит.

– А что можно купить? – спросила Татьяна.

– Фарша немного. И тесто ставили для пирожков. Сходи узнай, я себе еще картошечки купила. Прорастает картошка, дряблая совсем, но зато дешевая.

– Ладно, иду, – ответила Татьяна. – Спасибо, что сказали.

– Иди, иди, а то ничего не останется! Насчет Егорки договорилась?

– Да, – кивнула Таня. – Будет ходить в школьный лагерь, а то болтается, как беспризорник.

– Видишь, как хорошо! – обрадовалась за женщину Серафима. – Под присмотром у тебя будет, на глазах, да еще по льготе. Или вообще бесплатно?

– Бесплатно.

– Вот и отлично, я тебе говорила: сходи к Аристарху, он мужик отзывчивый. О своих людях думает.

Татьяна вскочила из-за стола и отправилась в столовую.

– Вот бери, что осталось, – встретила ее заведующая. – Могла бы и пораньше прибежать, рядом ведь сидишь. Тебе до столовой – два шага! Косточки выбирай для собаки, тут не только для нее, тут мужику вкусный супчик сварить. Наваристый. Бери, бери, сильно не копайся, отличные кости. И фарш замечательный. У нас в фарше только мясо, ведь мы в него ничего не добавляем. Собака-то у тебя какой породы?

– Пудель, – ответила Татьяна, – мы его так и зовем – Пудя.

– А и впрямь, ты же говорила, что пудель. Но разве это собака? – воскликнула заведующая столовой, засмеявшись. – Пудель – это живая игрушка, баловство. Ни защитить не сможет, ни напугать.

– А кого надо пугать?

– Кого? Бандитов, – пожалла плечами заведующая. – У меня вон кавказец в доме, так мы с ним, как за каменной стеной!

Через десять минут Татьяна вышла из столовой, держа в руках тяжелый пакет, Поднявшись на несколько ступенек, она замерла: у двери в приемную стоял ее муж Николай, невысокий, не видный мужчина, с откинутыми назад прямыми светлыми волосами. В клетчатой рубашке навыпуск и льняных брюках он показался ей простоватым, похожим на приехавшего в город деревенского жителя. Но она обрадовалась.

– Коля, – окликнула она мужа. – Возьми у меня сумку.

Он сбежал по лестнице ей навстречу, и она, передав ему ношу, взглянула на свою ладонь, на которой отпечатался красный след от пакета.

– Какой ты молодец, – похвалила супруга Татьяна, – что догадался прийти! Не знаю, как бы я дотащила это до дома!

– Так ты сама просила забрать домой Егора, – удивленно напомнил Николай, – вот я и пришел за ним.

Татьяна вспомнила об утреннем разговоре с мужем и подумала о Чанове, почувствовав, как полыхнули огнём щеки. Как она не осторожна! Ведь он мог прийти совсем не в подходящее время! Конечно, в директорский кабинет он бы не зашел, а в комнатку для отдыха тем более, но иногда и вилы, говорят, стреляют. Татьяна подумала о том, что муж мог догадаться об измене, если бы увидел ее сразу после интимных ласк начальника. Она слышала, что подобные ситуации иногда прочитываются на интуитивном уровне.

И Татьяна накинулась на мужа:

– Тогда чего ты так поздно пришел? Ты обещал в час! В час! А сейчас почти четыре! Я скоро сама буду домой собираться, – она говорила негромко, но ее голос стал по-командирски жестким.

– Но всего полчаса, как я разнес документы, – начал оправдываться Усов-старший. – Отнес последний пакет и сразу сюда.

Татьяна перехватила взгляд прислушивающейся Серафимы, которая сидела у входа, и сразу изменила тон.

– Егор играет в футбол на стадионе, забирай его – и домой, покорми чем-нибудь домашним. Он обедал в столовой, но с такой беготней, наверняка, опять голодный. Пойдем вместе, позовем его. Послезавтра он пойдет в школьный лагерь и будет со мной возвращаться домой.

Супруги вышли из школы сопровождаемые любопытным взглядом вахтерши.

Стадион от остальной школьной территории отделяли дикие яблони, они отцвели, опавшие лепестки всё ещё белели в молодой траве, сбившейся вокруг кривых стволов.

У рабочих на крыше был перекур, они смотрели сверху, как секретарь школы идет с мужчиной к футбольному полю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.